

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

ОТРИЦАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика
очно-заочной формы обучения, группы 04001386
Петрухиной Алены Николаевны

Научный руководитель
канд. филол. наук, доцент
Пугач В.С.

БЕЛГОРОД, 2017

Оглавление

Введение	3
Глава I. Основные концепции категорий отрицания	9
§1 Концепция особой отрицательной реальности	10
§2. Концепция реальности, отличной от данной	13
§3. Концепция отрицания как полагания мыслимого реально не существующим	16
§4. Концепция преодоления ложного знания	21
§5. Психологическая концепция отрицания	25
§6. Содержательная концепция отрицания	28
Выводы по Главе I	37
Глава II. Функционирование отрицания в современном английском языке	38
§1. Отрицание в контексте функционально-семантического поля	38
§2. Роль отрицательных аффиксов в формировании экспрессии	42
§3. К вопросу о семантике отрицательной частицы <i>not</i> . Проблема общего и частного отрицания в современном английском языке	48
§4. К вопросу о пресуппозиции так называемого риторического вопроса	56
§5. Двойное отрицание и средства его выражения	62
§6. Средства усиления отрицания	67
§7. ИмPLICITное отрицание и его показатели	71
§8. Стилистические возможности отрицания в художественном тексте	74
Выводы по Главе II	79
Заключение	81
Библиографический список использованной литературы	85
Список источников иллюстративного материала.....	89

Введение

Актуальность темы исследования. Отрицание является одной из важнейших проблем общего языкознания, интересной не только с точки зрения соотношения формы и содержания, структуры предложения и структуры выражаемой им мысли, но и своей семантикой, морфологическими и синтаксическими разновидностями, экспрессивными возможностями, так как отрицательные высказывания несут в себе большую информативность в устном и письменном тексте и встречаются гораздо реже утвердительных.

Это явление изучено в лингвистике далеко не полно. Лингвистический энциклопедический словарь не дает однозначного определения отрицания, а лишь отражает некоторые общепринятые точки зрения на это явление. Отрицание – элемент значения предложения, который указывает, что связь, устанавливаемая между компонентами предложения, по мнению говорящего, реально не существует или что соответствующее утвердительное предложение отвергается говорящим как ложное. Чаще всего отрицательное высказывание употребляется в такой ситуации, когда соответствующее утвердительное было сделано ранее или входит в общую презумпцию говорящих. Отрицание – одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы.

Лингвистический энциклопедический словарь не дает четкого определения сущности отрицания, хотя люди всегда пытались уяснить для себя, чем же все-таки является отрицание, как оно функционирует в языке и его взаимодействие с утверждением. Начиная от Платона и Аристотеля, отрицание не переставало волновать умы ученых. Отсутствие единых критериев различения отрицательных и утвердительных предложений порождает трудности в определении объективного смысла отрицательных суждений.

Если философия и логика являются древними науками, то мы можем сказать, что отрицание как явление объективной действительности изучается довольно долго. С точки же зрения лингвистики, или языкознания, комплексное изучение проблемы

отрицания и его функционирования в языке началось сравнительно недавно. Причем, как и любое другое лингвистическое явление, в процессе исследования с течением времени оно определялось по-разному. Андреева И.В., проанализировав различные подходы к отрицанию, выделяет несколько этапов в диахроническом контексте (Андреева, 1974: 5–6).

Современный английский язык не располагает языковыми средствами для выражения утверждения, то есть утвердительный компонент является формой немаркированной, экстенсивной. Что касается отрицательного компонента, то он имеет четкое грамматическое оформление с помощью ряда формальных грамматических средств: отрицательных частиц, отрицательных местоимений и наречий, то есть отрицательный компонент является формой маркированной, интенсивной.

На одном из первых этапов отрицание непосредственно не связывалось с субъективно-предикативными отношениями предложения, хотя эта связь, по существу, признавалась. Свидетельством этого является факт выделения общего и частного отрицания, давно известных в лингвистической литературе. При этом исследовались изолированные отрицательные элементы, такие как формально-грамматические показатели отрицания, что вполне оправдано, по мнению Андреевой И.В., на начальном этапе исследования отрицания (там же: 5).

Следующим этапом, который следует признать, как считает И.В. Андреева, «шагом вперед», по сравнению с первым, было безоговорочное признание связи отрицания с предикативностью и, соответственно и прежде всего, подлежащно-сказуемым отношением предложения (в советском языкознании этой концепции придерживался ряд ученых, начиная с Панковского А.М.).

В ходе развития лингвистики и установления ее связей с другими науками эта связь расширяется и уточняется. Теория и практика исследования начинает рассматривать отрицание не только в связи с предикативностью предложения и ближайшим синтаксическим окружением отрицательной формы, но и его коммуникативным типом. Этот подход характерен для большинства современных работ.

Следующий этап, очевидно, означает выход за пределы теории традиционного синтаксиса, поскольку довольно значительная часть языковых структур с отрицанием в той или иной форме, характерных прежде всего для разговорной речи, не поддается исследованию с помощью законов традиционного синтаксиса.

В связи с этим, уместно подчеркнуть, что отрицание является универсально-языковой речемыслительной категорией. В отличие от отрицания, логического отрицание языковое является гибкой, динамичной, не всегда строго организованной операцией. Лингвистическое отрицание представляет собой функционально-семантическую категорию, имеющую для своего выражения весьма разнообразные средства, организованные в виде «полевой» структуры.

Отрицание может выражаться такими элементами языковой системы, которые предавая смысл отрицательного суждения в качестве значения, наслаиваются на лексическое значение. В других случаях отрицание представляет собой семантический элемент лексического значения слова, и этот семантический элемент может быть представлен в морфологическом составе слова, может быть его составной частью в виде морфемы – префикса или суффикса, указывающего на отсутствие того, что составляет смысловое содержание части слова, к которому соответствующий аффикс присоединен. В обоих случаях, на которые мы выше указываем предельно абстрактным образом, речь идет об отрицании, выражаемом языковым средством, которое специализировано именно на обозначении отрицания. В первом случае внимание обращено на специальные отрицательные слова типа *not*, *nothing*; во втором случае имеются в виду морфемы, относящиеся к разряду словообразовательных элементов, например: *un-*, *a-*, *ab-*, *in-*, *im-*, *il-*, *ir-*, *non-*, *mis-*, *dis-*, *de-* (*des-*), *anti-*, *counter-*, *mal-* (*nude-*), *ill-*.

В современном английском языке грамматическое значение отрицания передается частицей *not*, *nobody*, местоимениями *nothing*, *none*, *no one*, *neither*, наречиями *never*, *nowhere*, *nohow*, то есть группой слов, объединенных общим элементом *n-*, который хотя и не вычленяется в них как морфема, все же позволяет говорить об их

формальном объединении. Если же определенное грамматическое значение передается закрепленной за ним грамматической формой, то можно говорить о наличии грамматической категории отрицания. Поскольку категория отрицания реализуется в предложении, то каждый член предложения, имеющий грамматически выраженное отрицание, можно назвать отрицательным.

Степень изученности проблемы. Отрицание привлекает к себе внимание не только лингвистов. Большой вклад в разработку понятия отрицания внесли философия, логика, когнитивная психология, функциональная стилистика, психология, формальная логика и др. В современном языкознании имеется немало работ, посвященных этой проблеме. В некоторых из них не без основания отмечается, что содержанием грамматической категории отрицания является логическое отрицание. Что касается философии и логики, то в них нет последовательного ответа на вопрос о сущности отрицания, так как эти науки изучают общие законы взаимодействия слов в суждении, среди которых отрицательные суждения являются отражением противоречий объективной действительности. Логические операторы отрицания отображают категориальный аппарат человеческого мышления и отражают наиболее общие отношения и структуры. В этом плане не является исключением и формально-логическое отрицание: оно тоже есть отрицание действительности (реального отсутствия чего-либо). Отрицание – одна из фундаментальных категорий формальной логики. Среди ученых, занимающихся категорией отрицания можно упомянуть известные имена: Есперсен О., Балли Ш., Панковский А.М., Шендельс Е.И., Бродский И.Н., Бондаренко В.Н., Кривоносов А.Т., Панфилов А.М., Андреева И.В., Айзенштадт Э.И., Виноградов В.В., Бондарко А.В., Падучева Е.В., Панфилов В.З., Труб В.М., Акимова Т.Г., Бахарев А.И., Ившин В.Д., Александрова О.В., Огрохина Е.А., Макарова Г.Н., Шевякова В.Е., Алексеева В.А., Селяев А.В., Паршина О.А., Бондаренко Е.И., Озаровский О.В.

Объектом исследования является феномен отрицания в современном английском языке.

Предметом исследования выступили языковые средства выражения отрицания в английском языке.

Цель работы заключалась в рассмотрении современных тенденций формирования отрицания в английском языке.

Для достижения поставленной цели предполагалось решение следующих **задач**:

- рассмотреть особенности основных концепций категорий отрицания;
- описать вопрос о пресуппозиции так называемого риторического вопроса;
- проанализировать отрицание в контексте функционально-семантического поля;
- изучить содержательную концепцию отрицания;
- оценить современные тенденции формирования функционирования отрицания в современном английском языке: роль отрицательных аффиксов в формировании экспрессии, двойное отрицание и средства его выражения, вопрос о семантике отрицания *not*, средства усиления отрицания, также имплицитное отрицание и его показатели;
- привести примеры стилистических возможностей отрицания в художественном тексте.

Теоретико-методологические основания исследования обусловлены спецификой рассматриваемой проблемы. Работа опирается на системный подход, историко-философский метод, позволивший проследить становление отрицания в современном английском языке.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования будут способствовать дальнейшей разработке проблемы категории отрицания как лингвистической универсалии в контексте современной лингвистики.

Методы и приемы исследования. Выбор используемых методов лингвистического анализа обусловлен спецификой исследуемого материала и

поставленными задачами. В работе используются следующие методы исследования: метод системного анализа, описание, трансформационный метод. Основными приемами анализа являются наблюдение, сравнение, обобщение.

Структура дипломной работы традиционна включает в себя: Введение, две Главы, Заключение, Список используемой литературы.

Материал исследования. Исследование проводилось по материалам письменных произведений. Источником фактического языкового материала для анализа послужили произведения современной художественной англо-американской оригинальной литературы.

Из всего вышесказанного можем сделать следующий вывод: утверждение и отрицание представляют собой две стороны единого процесса мышления, а их расположение в языке обусловлено наличием утверждения и отрицания в реальной действительности. Утвердительное суждение реализуется в утвердительных предложениях; отрицательное суждение находит свое выражение в отрицательном предложении. Отрицание как общезыковая категория носит многоаспектный характер и может быть охарактеризовано с разных сторон: как логическое, грамматическое или лексическое понятие. Представляется справедливой мысль о том, что нельзя сводить все грамматические значения к логическим формам. Равным образом, неправомерно рассматривать грамматическое отрицание только при помощи логической интерпретации. Логическое отрицание может выражаться как через грамматическую форму, так и с помощью лексических или некоторых синтаксических средств и, более того, почти любым языковым средством с помощью интонации в определенных условиях, то есть неграмматическими способами.

Глава I. Основные концепции категорий отрицания

Отрицание... Что же на самом деле скрывается за этими девятью буквами? Каждый, полагаем мы, думает, вкладывает свое значение в это слово. Как следствие, с течением времени в истории человеческой цивилизации с развитием познания этого мира возникает несколько концепций в толковании данного явления. Вначале в значение этого слова вкладывались понятия небытия отдельных явлений реального объективного мира. В ряде «первобытных» языков категория отрицания выражается через так называемую категорию «невидимого мира», которая явилась, насколько можно судить, первым логическим и грамматическим средством выражения знания об отсутствии, небытии чего-либо. Стремясь объяснить факт наличия определенного признака (или предмета, явления) в одних случаях, и его отсутствие в других, и будучи в то же время не в состоянии выразить абстрактную идею о существовании и не существовании, «первочеловек» оперировал категориями «видимого» и «невидимого». Эти категории, мыслимые как реальные, в фантастическо-наивной, но зато наглядной форме давали возможность правильно отразить внешнюю сторону объективных категорий бытия и небытия.

Имеются данные, позволяющие судить о роли категорий видимого и невидимого мира в мировоззрении (сознании) и языках различных этнических групп Австралии, Азии и Океании. Например, о языке австралийского племени аранта известно, что человек из этого племени с его матриархальным родовым строем осознает и понимает окружающий мир прежде всего под углом зрения «вижу» и «не вижу». Отрицание как отсутствие чего-то для сознания аранта – это прежде всего отсутствие в поле зрения. Невидимый мир как бы находится тут же, и каждая вещь, якобы, может иметь видимое и невидимое бытие. Отсутствие (здесь и теперь), а также прошлое, будущее, возможность, намерение и т. п. – все это связано у аранта с представлением о невидимом и выражается в его языке лексически – через эту категорию (Бондаренко, 1983: 139).

В дальнейшем с развитием человеческой мысли, с появлением и развитием наук это явление начинает изучаться более детально, и не только как явление реального

объективного мира, но и явление языка и речи. Такие греческие философы как Платон и Аристотель рассматривали отрицание с точки зрения логики, а Аристотель, в частности, затрагивал вопрос о предикативности отрицания.

Исходя из сказанного, представляется интересным рассмотреть какие различные подходы находили свое отражение как в научных трудах, так и в человеческом сознании. Этот вопрос интересен не только с точки зрения лингвистики, но и с точки зрения логики и философии. Рассмотрим наиболее интересные из новых концепций отрицания.

§1. Концепция особой отрицательной реальности

Согласно этой концепции, в отрицательных суждениях говорится об особой отрицательной реальности, или небытии. В категорию небытия древние философы включали такие понятия, как несуществование, отсутствие, различие и некоторые другие разновидности небытия. Категория небытия в разные периоды и в различных философских школах имела разное содержание. Так; в индийской философии ее использовали при решении философских проблем гносеологии и логики. Древнеиндийские философы почти всех школ исходили из признания реальности как бытия, так и небытия, полагая, что без признания реальности последнего невозможно понять изменение ни как появление нового, ни как уничтожение старого. В этой связи представляют интерес взгляды на категорию небытия вайшешиков и ньяиков.

Древнеиндийские философы школы вайшешики (III в. до н. э.) все объекты разделяли на два класса – бытие (охва) и небытие (абхава). В класс бытия входят все «положительные реальности», то есть предметы материального мира, а в класс небытия – все «отрицательные», то есть не существующие, отсутствующие вещи (Бондаренко, 1983: 7). Реальность небытия несомненна. Смотря на небо, вы столь же уверены в не существовании там Солнца, как и в существовании Луны и звезд. На этом основании под отрицательной категорией реальности вайшешики понимали небытие. Последнее, по их мнению, бывает двух видов: 1) сансарга – абхава, означающее отсутствие чего-либо и чего-то другого (форма суждения «S есть не в

Р»), и 2) аньионья – абхава, означающее то, что одна вещь не является другой вещью, то есть отличие одной вещи от другой (форма суждения «S не есть Р»). Если первый вид небытия означает отсутствие связи между двумя вещами, то второй обуславливает отличие одной вещи от другой. Когда одна вещь отличается от другой, они взаимно исключают друг друга, то есть не существуют как другие. Стол отличается от стула. Это означает, что стол не существует как стул, или, проще говоря, стол – это не стул.

Это может быть выражено в суждении *A table is not a chair*. Аньионья – абхава есть небытие одной вещи как другой, отличной от нее вещи, а противоположное ей положение есть именно тождественность, схожесть этих вещей. Таким образом, мы сможем сказать, что сапсарга – абхава есть относительное небытие в смысле отрицания связи или отношения между любыми двумя объектами, тогда как аньионья – абхава есть взаимное небытие, то есть различие в смысле отрицания тождества между двумя объектами.

Сходным образом реальное отсутствие, или небытие, рассматривалось и в индийской логике школы ньяя (I в. н.э.). Представители этой школы считали, что небытие отражается также непосредственно, как и бытие, восприятие дает нам как существующее, так и несуществующее (с помощью органов чувств мы воспринимаем как существование, так и несуществование чего-либо). Отсутствие или небытие понималось как особое свойство вещей. Оно конкретно и является объектом отрицательной мысли. В учении о непосредственности познания небытия в восприятии признавалось, что отрицательные суждения ничем не отличаются от утвердительных (Васильева, 1959: 78).

Почти все древнеиндийские философы исходили из признания реальности не только бытия, но и небытия как свойства объектов сознания, что без признания реальности последнего невозможно понять «ни процесс изменения и развития, ни факт количественного многообразия явлений природы» (Бондаренко, 1983: 9). В их учении для нас представляет интерес прежде всего то, что среди категорий реальности была выделена «отрицательная» категория небытия (небытия предмета или его признака) с двумя ее основными разновидностями – отсутствия и различия.

Категория небытия, отсутствия (реального несуществования), различия признавалась онтологическим объектом отрицательных суждений, которые понимались при этом как ничем не отличающиеся от утвердительных суждений.

В западноевропейской философии сторонниками концепции особой отрицательной реальности были А. Мейнонг, А. Ройпах, Э. Гуссерль и Б. Рассел. Последний постулировал существование особых отрицательных фактов, которые якобы отвечают истинным отрицательным суждениям. В мире должно быть нечто, к чему относится истинное единичное отрицательное суждение типа *The book is not on the table*. Это нечто и есть, по его мнению, отрицательный факт. Стремясь обосновать объективный характер истинных отрицательных суждений, Б. Рассел впадает в крайность, трактуя отсутствие фактов как особые факты наряду с реальными. Если является фактом, что нет никаких отрицательных фактов, то это само, по его мнению, есть отрицательный факт, и, следовательно, не может быть, чтобы не имелось никаких отрицательных фактов (Бондаренко, 1983: 9). «Казалось бы, – замечает по этому поводу Бродский И.Н., – ничто не мешает называть объективно не существующее «отрицательным фактом». Однако, такое употребление слова «факт», при котором оно применяется для обозначения и реально существующего и реально не существующего, лишает его как раз того значения быть ввелингвистической реальностью, делающей высказывание истинным, которое оправдывает его употребление, позволяя отличать то, что не только мыслится, но и существует реально, от того, что только мыслится. Если же отрицательный факт есть только мыслимый мною факт, то он не отвечает этому своему назначению» (Бродский, 1973: 15).

Таким образом, оценивая в целом концепцию особой отрицательной реальности, Бродский И. Н. указывает на ее несостоятельность: «Концепция, согласно которой истинные отрицательные высказывания говорят об отрицательной реальности и относятся к особому миру отрицательных фактов, противоречит опыту и практике. Отрицательные факты как нечто реально существующее со свойством негативного нигде в опыте не встречаются, и ни в одной области естествознания на них не ссылаются. Если отрицательные факты так же реальны, как положительные,

и так же способны воздействовать на органы чувств и обнаруживать себя в опыте, то неясно, чем одни отличаются от других. Если же отрицательные факты не обнаруживают себя в опыте; то они и не факты» (Бродский, 1973:15).

§2. Концепция реальности, отличной от данной

В качестве альтернативы концепции особой отрицательной реальности в разное время выдвигалась концепция реальности, отличной от данной (концепция отрицания как знания об ином бытии).

Еще в древнегреческой философии предпринимались попытки рациональной интерпретации смысла отрицательного знания. Платон, рассматривая диалектику бытия и небытия во второй части диалога «Софист», от лица некоего Чужеземца, подвергает критике учение Парменида о том, что небытие не существует. Он стремится найти небытие онтологическое как основание логического небытия, пытается доказать, что «небытие в каком-либо отношении существует и, напротив, бытие каким-то образом не существует» (Бондаренко, 1983: 10). В этой связи Платон выясняет взаимоотношение того, что он называет главными родами бытия: это прежде всего само бытие, движение и покой. Каждый из этих трех родов бытия по отношению к двум другим родам бытия есть иное. Движение – иное, чем бытие и покой. Покой – иное, чем бытие и движение. И так далее. Поэтому три рода бытия дополняются еще двумя: тождественным и иным. Как же существует иное? Иное само по себе не существует, «иное всегда существует лишь по отношению к иному» (там же, 1983: 10). Иное и есть тот смысл, в котором несуществующее существует. Все существующее существует как само по себе, но не существует как иное для другого. Поэтому все существует и не существует. Само бытие есть небытие, поскольку оно иное по отношению к другим родам бытия; например, бытие есть иное; чем движение. Однако небытие не есть нечто противоположное бытию как самостоятельное начало, оно аспект бытия, небытие причастно бытию как иное. Таким образом, Платон доказал искомое – небытие в некотором смысле существует. Согласно Платону, абсолютного небытия в действительности нет, но зато

существует небытие относительное. Несуществующее всегда нечто, но только иное, чем существующее. Когда говорят о небытии, всегда говорят о небытии чего-то определенного, но только отличающегося от реально существующего. В духе античной диалектики Платон полагал, что род «иное» («отличное от») участвует во всех других родах существующего, поскольку все есть иное, чем другое. Каждый единичный объект отличен от остальных, есть «иное», чем остальное. Говоря, что объект не обладает определенным родом бытия (определенным свойством), имеют в виду не небытие вообще, а небытие какого-то определенного бытия. Понятие небытия (несуществующего, несущего) сближается с понятием инобытия (бытия иного) как необходимого условия определенности конкретного бытия, с понятием различия. Реальная определенность создается реальным отличием от другой определенности. Когда мы говорим о небытии, – подчеркивает Платон, – мы понимаем, как видно, не что-то противоположное бытию, но лишь иное.

Итак, согласно Платону, объективный смысл отрицания выражается через понятие (предикат) различия. Предметом истинных отрицательных суждений является относительное небытие чего-то конкретного как бытие чего-то иного: отрицание означает не противное, а только нечто иное, то есть отличное от существующего; отрицанием исключается лишь определенное бытие чего-то в чем-то. Например, суждение «Сократ не перс» означает, что Сократ отличается от всех объектов, удовлетворяющих условию быть персом.

Как уже отмечалось выше, вайшешики одним из видов небытия выделяли аньйонья – абхава, означающее отличие одной вещи от другой в смысле отрицания их тождества (например, *A table is not a chair*). Отличное же и есть иное. Стало быть, в этом отношении взгляды вайшешиков и Платона в какой-то мере совпадали.

В логическом учении позднейших буддистов (Дхармакирти – VII в. и его комментатор Дхармоттара – IX в.) смысл отрицательного суждения тоже понимался как выражение реального небытия, которое существует как бытие иного. При этом область иного справедливо ограничивалась областью несовместимого. Небытие познается лишь в связи с бытием как источником положительного знания. Считалось, что поскольку утверждение и отрицание взаимно исключают друг друга,

то их взаимные основания должны отличаться друг от друга.

Ряд философов (Г. Гегель, Г. Райл, Б. Бозанкет, А. Тренделенбург, Г. Плукэ и др.), стремясь придать определенность области иного бытия как референта отрицательного суждения, подчеркивали, что в основе отрицания лежит положительное знание – различие, противоположность («противность»), несовместимость чего-то (с чем-то). Так, Васильев Н.А. полагал, что логическим основанием отрицания является несовместимость чего-то (признаков). Отрицание, по его мнению, – это то, что несовместимо с утверждением. «Ни в мире, ни в опыте нет ничего отрицательного», – пишет Н.А. Васильев. Два положительных результата опыта или признака становятся отрицаниями друг друга только из-за отношения несовместимости (закон противоречия выражает несовместимость утверждения и отрицания). Красное, например, мы называем отрицанием синего и говорим: красный предмет не синий, потому что красное (оно положительно) несовместимо с синим (оно положительно). В случаях же, где нет подобной несовместимости, неправомерно говорить об отрицании.

Далее, стремясь признать определенность содержания отрицания, С.А. Васильев отмечает, что «нельзя основывать отрицание и на простом отсутствии предиката», то есть отрицание не может опираться на отсутствие знания. Ведь если я не вижу (но знаю), что вещь в комнате; то это еще не значит, что этой вещи там нет. Только перебрав все вещи в комнате и установив наличие вещей, исключаяющих возможность нахождения в том же пространстве, можно говорить, что ее здесь нет (Васильев, 1959:13).

Подводя итог, сторонники концепции реальности, отличной от данной, полагают, что истинные отрицательные суждения говорят о мире положительных фактов, но делают это не прямо, а косвенным образом, отражая не собственные свойства отдельных вещей, а их отношение к другим вещам. Этим отношением, по мнению одних философов (Платон, А. Тренделенбург и др.), является отношение различия, по мнению других (Дхармакирти, Г. Плукэ, Б. Бозанкет, Н. А. Васильев), – отношение несовместимости.

§3. Концепция отрицания как полагания мыслимого реально не существующим

В данной концепции отрицательные суждения рассматриваются не в аспекте тех реальных обстоятельств, которые они отражают, а с точки зрения выраженного в них отношения мыслимого к реальному. Наиболее полно эта концепция представлена в работах Аристотеля (прежде всего в его учении о категорических суждениях). Согласно Аристотелю, всякое суждение, в котором всегда нечто утверждается или отрицается чем-либо, имеет основу в действительности. Этой основой является существование (бытие) или не существование (небытие) чего-либо. Суждение содержит отнесение мыслимого в нем содержания к действительности в форме полагания его реально существующим или реально несуществующим. Отнесенность мыслимого содержания к действительности выражена (явно или неявно) как в утвердительном, так и в отрицательном суждении. Эта отнесенность осуществляется глагольным временем как указанием на есть, было или будет (указанием на существование сейчас, в прошлом или будущем). Указание на существование (бытие) определенности вещи или признака выражается в формуле «нечто есть, было или будет», а указание на несуществование (небытие) этой определенности – в формуле «это не есть», например: «человек есть» и «человек не есть» (Бондаренко, 1983: 14). Так появляется первый вид суждения – простое суждение как словесное указание бытия или небытия чего-либо с различением времени.

Утверждение и отрицание понимались Аристотелем как полагание мыслимого существующим или несуществующим (утверждать – значит говорить, что данный предмет или признак существует, отрицать – значит говорить, что данный предмет или признак не существует, то есть не имеет места в действительности), что есть полагание его (мыслимого) истинным или ложным соответственно. Поэтому Аристотель и говорит о «бытии в смысле истины» и «небытии в смысле лжи» и отождествляет утверждение с высказыванием об истинности мыслимого, а отрицание – с высказыванием о его ложности.

Таким образом, Аристотель представляет утверждение и отрицание как выражения, в которых данная мысль рассматривается, соответственно, как истинная или ложная благодаря имеющемуся в каждом случае полаганию мыслимого существующим или несуществующим. Причем объективное несуществование может быть приписано как признак какому-то лишь мыслимому нами объекту, а не чему-то реально существующему.

При этом небытие (несуществование) понимается Аристотелем в широком смысле: это понятие имеет не только гносеологический смысл ложности какой-то мысли о бытии, не только логический смысл отрицания определенной мысли, но имеет также смысл реального объективного небытия. Объективное небытие имеет столько же значений, говорит он, сколько значений имеет само бытие. Небытие, таким образом, есть не «несуществование вообще», а прежде всего объективная лишенность определенного вида бытия, лишенность определенного качества, количества, отношения, места, времени и т.д.

Небытие как лишенность определенного бытия констатируется при фиксировании любого различия. «Лишение», поясняет Аристотель, есть отрицание в отношении некоторого определенного рода (бытия). «...Сколько, – пишет он, – имеется значений у отрицаний, начинающихся с частицы *без* или *не*, в стольких же значениях говорится и о лишенности...» (цит. по: Бондаренко, 1983: 16). Под лишенностью понимается отсутствие у вещи определенного признака, а именно: 1) единственного (не необходимого для нас) свойства (например, когда мы говорим, что растение лишено глаз); 2) такого свойства, которое от природы она должна иметь (например, беззубым мы называем не то, что не имеет зубов, и незрячим или слепым – не то, что не имеет зрения, а то, *что* не имеет их, когда оно естественно, «по природе», должно было бы иметь); 3) какого-либо свойства, когда между наличием и отсутствием остается место для промежуточного состояния (ср., например, справедливый – несправедливый, способный – неспособный, разумный – неразумный) (там же: 16).

Как видим, небытие (несуществование) понимается Аристотелем как лишенность, или отсутствие. Понятие лишенности (отсутствия) связано с понятием

различия («инаковости»), ибо лишенность есть в каждой паре противоположностей (например, зрячий – незрячий и т. п.). А противоположность – наибольшее различие в пределах рода: «противоположность есть некоторого рода различие, а различие есть инаковость». Основная противоположность – наличие у вещи того или иного свойства и отсутствие его (то есть обладание и лишенность). Стало быть, отрицание – одна из форм противопоставления, ср. зрячий (обладание) – слепой, или незрячий (лишенность). Противоположные друг другу утверждение и отрицание (например, *He is sitting* к *He is not sitting*) Аристотель называет противоречием, один член которого всегда необходимо истинный, а другой – ложный (Бондаренко, 1983: 16). Эта противоречивая противоположность рассматривается Аристотелем как различие. Таким образом, понятие отрицания как выражения не существования (небытия) раскрывается Аристотелем через понятия отсутствия, лишенности, различия, противоположности.

Переходя от установления факта существования (бытия) вещи к раскрытию ее содержания означает переход от простого суждения к следующему виду суждения – развернутой форме утверждения и отрицания, соответственно определяющихся как «признание чего-либо с чем-либо (или суждение, приписывающее что-либо чему-либо)» и «непризнание чего-либо за чем-либо (или суждение, отнимающее что-либо от чего-либо)» (Бондаренко, 1983:17).

Утверждение и отрицание Аристотель связывает также с присущностью и неприсущностью признака предмету, если «всякое утверждение и отрицание истинно или ложно, то необходимо, чтобы все было присуще или неприсуще»; «отрицание есть причина неприсущности, а утверждение – причина присущности» (там же:17).

Таким образом, по Аристотелю, первоначальными являются суждения, отражающие существование (бытие) или не существование (небытие) чего-либо. В процессе дальнейшего познания вещи, факта и т. п., когда необходимо раскрыть их содержание, суждения этого вида включаются как основа в суждения присущности или неприсущности чего-либо чему-либо. Эта сторона вопроса хорошо видна также из аристотелевского определения посыпки (суждения): «Посылка есть речь,

утверждающая или отрицающая что-то относительно чего-то. Она бывает или общей, или частной, или неопределенной. Общей я называю посылку о присущем всем или не присущем ни одному, частной – о присущем или не присущем некоторым или присущем не всем, неопределенной – о присущем или не присущем без указания того, общая она или частная...» (цит. по: Бондаренко, 1983: 17).

Изложенное позволяет сделать вывод: утверждение и отрицание в концепции Аристотеля интерпретируются как полагание в мысли чего-то в качестве существующего или несуществующего (то есть истинного или ложного), присущего или не присущего предмету мысли в действительности.

Согласно Аристотелю, очень большое значение в суждении имеет логическая связка. Для Аристотеля суждение немислимо без связки есть, или глагола быть. Как уже отмечалось выше, идея существования или несуществования, создающая простейшее суждение, выражается именно утвердительной или отрицательной формой связки как логической константы присуще (есть, суть) и не присуще (не есть, не суть). Связка может и не присутствовать, но она все же необходимо подразумевается, «ибо нет никакой разницы, сказать ли «человек идет» или «человек есть идущий»» (там же:18). Без связки нет никакого утверждения и никакого отрицания и, стало быть, никакого суждения; есть же обозначает не просто связь, но существование, а не есть – несуществование. Отрицание, по мнению Аристотеля, всегда относится только к связке (общее отрицание). Он подчеркивает, что отрицаниями суждений типа «есть человек», «есть бледный человек», «человек идет» будут суждения «не есть человек», «не есть бледный человек», «человек не идет», но не «есть не человек», «есть не бледный человек», «не человек идет». Поэтому если это везде так, то и «отрицанием (выражения) «могущее быть» будет «не могущее быть», а не «могущее не быть»» (там же:18).

Итак, Аристотель делил суждения на утвердительные и отрицательные по качеству связки, причем утвердительная или отрицательная форма связки передает идею существования или несуществования. Суждения с отрицательным предикатом (частное отрицание), но с утвердительной связкой (например, *A man is unjust*) не рассматриваются как отрицательные. Как известно, после Аристотеля деление

суждений на утвердительные и отрицательные в традиционной формальной логике получило название классификации суждений по качеству (характеру) связки или просто по качеству. Качество суждения – это утвердительная или отрицательная форма суждения, то есть свойство суждения быть либо утвердительным, либо отрицательным. Здесь уместно подчеркнуть, что хотя всякое суждение и является, согласно Аристотелю, предложением, но далеко не всякое предложение есть суждение, а лишь то, которое выражает утверждение или отрицание. Поскольку же утверждение и отрицание имеют место в каждом суждении и без них не может состояться суждение, то качество является неотъемлемым, существенным свойством суждения (в такой же степени, как и свойство истинности/ложности). Принцип деления суждений на утвердительные и отрицательные у Аристотеля объективен, имеет основание в самой действительности, а именно: бытие и небытие.

В диалектике небытие истолковывается как инобытие. Категорию небытия Аристотель понимал тоже диалектически. Он не признавал наличия наряду с «чистым бытием» какого-то «чистого небытия» как особого «отрицательного бытия», «отрицательной реальности». Признавая объективность небытия, Аристотель понимал его, таким образом, не как «чистое небытие», а вполне диалектически, считая, что небытие одного состоит в бытии другого, то есть именно как инобытие. Как отмечает Бродский И.Н., Аристотель ясно видел, что нельзя говорить о прямом отражении того, что не существует, отражение небытия чего-то так же не может быть непосредственным, как не существует непосредственного ощущения (или восприятия) отсутствия какого-либо предмета или свойства (Бондаренко, 1983: 19). «Небытие, по Аристотелю, имеет не просто значение отсутствия определенного вида бытия, но имеет значение наличности определенной возможности, определенных условий для существования чего-то еще не существующего» (цит. по: Бондаренко, 1983: 19). Небытие понимается как возможное бытие в самом широком смысле этого слова, то есть как условие всякого изменения и развития. Небытие (несуществование) для Аристотеля не просто не существует, а существует в возможности как способность. Возможность рассматривается им не как «чистое небытие», а как материальная возможность,

характерная для определенной действительности, для определенного бытия. Он пишет, что действительность («деятельность») предшествует («первое») возможности или способности и по определению, и по времени, и по сущности (Бондаренко, 1983: 19), то есть бытие «прежде» небытия.

Таким образом, в соответствии с последним Аристотель показывает, что и познание действительного бытия предшествует познанию присущих ему возможностей, то есть присущего ему небытия; чего-то такого, что могло бы быть, однако еще не существует. «Это подчеркивание Аристотелем онтологической и гносеологической первичности, абсолютности бытия в сравнении с вторичностью и относительностью небытия имеет не только большое философское значение, но и лежит в основе его мысли о вторичности отрицания по отношению к утверждению (цит. по: Бондаренко, 1983: 19).

§4. Концепция преодоления ложного знания

Эта концепция рассматривает отрицание как средство выражения знания о неадекватности мыслимого реальному, как средство преодоления ложного знания, предотвращения ошибки или заблуждения. Она характерна главным образом для представителей так называемой чистой логики (И. Кант, Г. Когон, П. Наттори и др.) и психологического направления в логике (Х. Зигварт, В. Вундт, Т. Липпис, Н. Ланге и др.). Общим для всех них является субъективно-идеалистический взгляд на природу логических форм, законов и категорий. Эти последние рассматриваются не как отражение объективного в субъективном, а лишь как продукт «чистого» мышления или психики человека. Отрицание существует, по их мнению, только в мыслях и применяется лишь в смысле указания на ложность предшествующего утвердительного суждения в целом. Таким образом, отрицательное суждение – это только суждение о суждении.

И. Кант, сводя весь смысл отрицательного суждения к установлению ложности соответствующего утвердительного суждения, определял отрицательные суждения как суждения, задачей которых в отношении к содержанию нашего знания является

удерживать нас от заблуждения (Бондаренко, 1983: 20); при помощи положительных суждений мы стремимся понять нечто, при помощи отрицательных – не ошибаться, так как посредством их мы ничего понять не можем.

Как видим, в основе трактовки Кантом отрицательных суждений лежит субъективный идеализм. Кант в отличие от Аристотеля не признает равноправности отрицательного суждения с утвердительным. Для него отрицательное суждение ничего не дает для действительного познания, оно имеет специальную задачу – удерживать себя от заблуждения и есть суждение не о моментах действительности, а лишь о ложности соответствующего утвердительного суждения. Причем, понятие отрицания понимается Кантом как отсутствие чего-либо.

Неокантианцы Г. Коген, П. Вундт, Л. Трепделенбург, Н.А. Васильев, а также философы У. Джемс, А. Бергсон и др. понимали отрицательное суждение как исключительно суждение о суждении, как нечто вторичное, как реакцию на преодоление психологического заблуждения.

В.Н. Бондаренко считает, что рассматриваемая концепция смысла отрицания в наиболее последовательной форме представлена в «Логике» Х. Зигварта. «Итак, – подчеркивает Зигварт, – отрицание двояким образом зависит от положительного суждения: оно предполагает такое суждение о качестве объекта, которое и мыслится здесь с ожиданием его значимости, и в то же время отвергает испробованное утверждение» (цит. по: Бондаренко, 1983: 22).

Как видим, отрицание в концепции Зигварта имеет субъективно-психологический характер, оно есть лишь функция, продукт сравнивающего мышления. По его мнению, реальным вещам присуще только положительное качество, в объективном мире якобы нет ничего, что соответствует отрицательному мышлению. Отрицательные суждения, согласно Зигварту, не параллельны утвердительным суждениям, а принципиально неравноправны с ними. Всякое отрицательное суждение обусловлено наличием утвердительного суждения, то есть наличием синтеза из ряда синтезов, и представляет собой сознание ложности устанавливаемой связи. Если утвердительное суждение выражает связи, существующие в самой действительности, то отрицательное суждение объективного

значения не имеет, оно лишь отвергает наметившийся синтез. Поэтому учитывать имеет смысл лишь такие отрицательные суждения, которые предохраняют от ошибок, от опасности заблуждения. Отрицательное суждение есть не суждение непосредственно о самой действительности, а исключительно суждение о суждении, в котором отрицание отклоняет или объявляет ложным то, что мы пытались утверждать в форме положительного суждения. Само по себе отрицание якобы ничего не значит, всякое отрицание, по мнению Зигварта, имеет смысл лишь в области суждения (то есть в сфере мышления); нет и не уместны лишь по отношению к суждению или в суждении (Бондаренко, 1983: 23). Отсюда и вывод – утверждение и отрицание далеко не равноправные акты суждения. Одно и то же суждение якобы может быть и утвердительным, и отрицательным, все зависит от того, с каким другим суждением наше суждение связано.

По этому поводу Попов П.С. замечает, что оба вида суждений отражают действительность. Никак нельзя думать, будто отрицательные суждения – лишь вспомогательный прием для суждений утвердительных. Отрицательные суждения равноправны суждениям утвердительным, но менее определенны и требуют уточнения. Вместе с тем следует подчеркнуть, что и утвердительные суждения в свою очередь нередко требуют уточнения, и это уточнение может в иных случаях с успехом быть выполнено суждениями отрицательными (там же: 23).

Русский логик Лососий Н. О. также отмечал, что характеристика отрицательного суждения, данная Зигвартом, абсолютна (абсолютное различие истины и лжи), а сама отрицательность чисто субъективна. По его мнению, логика должна рассматривать утвердительность и отрицательность не как абсолютные, а как относительные свойства суждения, так что в одном отношении суждение признается утвердительным, в другом – отрицательным (там же).

Бондаренко В.Н. обращает наше внимание на то, что при всем том, Зигварт высказал ряд верных в своей основе положений относительно семантики, точнее, многозначности отрицательных суждений и, несмотря на идеалистическое толкование, он выделяет следующие логические отношения, которые могут быть выражены в отрицательных суждениях:

- 1) отношение различия, инобытия (например, *Freedom is not wildness. Red is not blue*);
- 2) отношение отсутствия (данная вещь не имеет определенного свойства, в субъекте отсутствует данный предикат);
- 3) отношение несовместимости (субъект суждения несовместим с предикатом);
- 4) отношение противоположности (opposition);
- 5) отношение лишения или недостатка (privation);
- 6) отношение исключения предиката (Бондаренко, 1983: 24).

Итак, в концепции отрицания как преодоления ложного знания отрицание есть чисто мыслительная форма, не относящаяся к самим предметам объективной действительности. Отрицание считается вторичным по сравнению с утверждением, оно используется исключительно для опровержения уже высказанного или подразумеваемого утвердительного суждения как ложного. Отрицательные суждения – это только суждения о суждениях. С этим последним нельзя целиком согласиться, ибо функция отрицательного суждения далеко не исчерпывается предотвращением ошибки (заблуждения), отвержением другого (ложного) суждения. Отрицательное суждение, так же, как и утвердительное, есть прежде всего форма отражения действительности, а не только (и не столько!) суждение о суждении. Оно может выступать как суждение о ложности соответствующего утвердительного суждения лишь тогда, когда само верно отражает действительность. Поэтому некоторые логики справедливо подчеркивают необходимость строго различать два типа отрицания в формальной логике: 1) отрицательное суждение имеет самостоятельный характер (материальный момент отрицания), как отражение идеи несуществования, отсутствия, неприсущности чего-либо в действительности и 2) отрицательное суждение как способ опровержения высказанного (утвердительного) суждения (формальный момент отрицания как запрещение признавать суждение истинным) (Бондаренко, 1983: 25).

В.Н. Бондаренко поддерживает точку зрения И.Н. Бродского, который верно подчеркивал, что между пониманием отрицательного суждения как отражения реальной неприсущности, отсутствия признака у предмета, и пониманием его как формы выражения знания ложности определенной мысли нет противоречия, и что

вторая точка зрения сама по себе не имеет отношения к идеализму, и поэтому следует говорить не о двух исключаящих одна другую точках зрения на отрицательное суждение, а о двух дополняющих друг друга аспектах его рассмотрения (Бондаренко, 1983: 26).

Таким образом, абсолютно противопоставлять отрицательные суждения утвердительным, проводить между ними непроходимую грань неправомерно. Это – две равноправные формы отражения действительности. Как и утвердительное, отрицательное суждение обладает относительной самостоятельностью, оно важно само по себе и, подобно утвердительному суждению, имеет важное познавательное значение. Отрицательные суждения могут, конечно, употребляться (и действительно употребляются) для опровержения других (ложных) суждений, но эта прагматическая функция отрицания вряд ли характеризует сущность отрицательных суждений.

§5. Психологическая концепция отрицания

Для психологической концепции отрицания, очень близкой к предыдущей, то есть концепции преодоления ложного знания, характерно разделение психических актов предикации и суждения: акта мысленного отнесения содержания предиката к содержанию субъекта и акта оценки этого отнесения. Так, В.Н. Бондаренко ссылаясь на Ю. Бергмана и И. Виндельбанда, утверждает, что утверждение и отрицание суть параллельные выражения соответственно одобрения (признания) и неодобрения (отклонения) субъектом мыслимого содержания (*a white thing – a pleasant or unpleasant thing, a good or bad act* и т. п.). Одобрение и неодобрение – оценочные реакции обладающего волей и чувствами человека на содержание своих мыслей. В случае одобрения перед нами утвердительное суждение; в случае неодобрения – отрицательное. Однако, такое деление суждений, основанное на различении одобрения и неодобрения как актов воли и чувства, есть чисто психологическое, но не логическое. Включение значений утверждения и отрицания в категорию модальности объясняется тем, что модальность ошибочно понимается как некая

всеобъемлющая, комплексная, многоплановая категория. Многими лингвистами принята дефиниция модальности, данная в академической грамматике русского языка, где она определяется как категория, выражающая отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего (Бондаренко, 1983: 27 – 28).

Х. Зигварт, критикуя В. Виндельбанда за субъективизм, отмечает, что любая одобрительная или неодобрительная оценка субъектно-предикатного отношения с точки зрения истинности его есть суждение, которое в свою очередь может быть истинным или ложным. Это суждение есть суждение об отношении вещи к познающему субъекту, а не суждение о вещи самой по себе. Но это отношение существует просто, и оно признается, а не одобряется или вызывает неодобрение (там же: 28).

Одобрение, признание (= согласно), равно как и неодобрение, отклонение (= несогласно), – логически несвойственные суждению характеристики. Субъективный момент одобрения или неодобрения получает выражение лишь в тех случаях, когда приходится высказываться об уже имеющемся более или менее определенном суждении. По мнению В.Н. Бондаренко, случаи совпадения объективного момента с субъективным скрыли от В. Виндельбанда разницу между этими моментами, и ему показалось, что там, где мы имеем отрицание, есть неодобрение, а там, где имеем утверждение, есть одобрение. Если истинность есть признание (непризнание) положительного или отрицательного содержания данного суждения, то она, опираясь на указанное содержание, представляет собою субъективный момент при проверочном суждении; вот почему этот субъективный момент вовсе не совпадает с утверждением, как и ложность не совпадает с отрицанием (там же: 29).

В.Н. Бондаренко отмечает, что некоторые авторы ставят утверждение и отрицание в один ряд с такими бесспорно модальными значениями, как проблематичность и категоричность, и выражает свою критику в отношении мнения О. Есперсена, который подобно Д. Вундту и В. Виндельбанду, устанавливая соответствие между логическим и грамматическим отрицанием, определяет последнее как носящее тройственный характер. В качестве противочленов оппозиции, формирующей категорию отрицания (С), О. Есперсен выделяет

утверждение (А) и сомнение (В), последнее занимает промежуточное положение между утверждением и отрицанием. Утверждение и отрицание якобы выражают абсолютную уверенность: первое – в наличии, второе – в отсутствии чего-либо. Модальное значение проблематичности (сомнения) противопоставляется, по его мнению, в одинаковой степени и утверждению, и отрицанию, например:

А – John is rich – Джон богат;

В – Perhaps John is rich – Возможно, Джон богат;

С – John is not rich – Джон не богат (Есперсен, 2006: 373-374).

Согласно мнению В.Н. Бондаренко, все три члена в схеме О. Есперсена являются якобы однородными и равноправными, поскольку обозначают субъективное отношение говорящего к содержанию высказывания (абсолютную уверенность и неуверенность, то есть сомнение) (Бондаренко, 1983: 66).

Далее В.Н. Бондаренко настаивает, что предложенная трехчленная система неприемлема хотя бы с логической точки зрения, поскольку здесь налицо два основания деления суждений, а именно: качество суждений, по которому они делятся на утвердительные и отрицательные, и степень достоверности их содержания с точки зрения субъекта мысли – простая достоверность суждений А и С противопоставляется проблематической достоверности суждения В, содержание суждения, выраженного предложением В, может характеризоваться и категорической достоверностью, например, No doubt John is not rich – Несомненно, Джон не богат. Кроме того, суждение, выраженное предложением В в схеме О. Есперсена, по качеству может быть и отрицательным, например: Perhaps John is not rich – Возможно, Джон не богат, No doubt John is not rich – Несомненно, Джон не богат. Субъективная модальность (проблематическая и категорическая степени достоверности, выраженные служебными модальными словами perhaps и no doubt соответственно, и противопоставляемая им простая достоверность с нулевым показателем) не меняет утвердительного или отрицательного качества содержания предложений. Возможность же наличия (совмещения) в одном и том же предложении средств выражения субъективной модальности и отрицания говорит о разнородности этих категорий (там же: 67).

В этом же плане необоснованной представляется как попытка расположить значения субъективной модальности типа проблематичности между утверждением и отрицанием, так и мысль об ограничении единого категориального значения, с одной стороны, утверждением, с другой – модальным значением проблематичности.

Включение значений утверждения и отрицания в категорию модальности В.Н. Бондаренко объясняет тем, что модальность ошибочно понимается как некая всеобъемлющая, комплексная, многоплановая категория. Многими лингвистами принята дефиниция модальности, данная в академической грамматике русского языка, где она определяется как категория, выражающая отношение высказывания к действительности, с точки зрения говорящего (Бондаренко, 1983: 67).

Таким образом, на основании изложенного можно констатировать, что, психологическая концепция отрицания как выражения неодобрения (несогласия) субъектом мыслимого содержания или неверия неприемлема, поскольку неодобрение, неверие чисто субъективные, точнее, психологические акты, не являются логической характеристикой суждения. Вообще, всякие соображения из области психологии мышления и прагматики языка (мотивы отрицания, потребность в отрицании, желание выразить несогласие и т. п.) не имеют прямого отношения к логике и не могут являться онтологической основой логического отрицания.

§6. Содержательная концепция отрицания

Сторонники содержательной («естественной») концепции отрицания, преобладающей в материалистической формальной логике, рассматривают отрицание прежде всего как элемент смысла суждения, имеющий объективное основание. В формальной логике принято семантическое определение отрицания в терминах истины и лжи: отрицание истинного суждения есть ложь (например: *It is not true that the Volga falls into the Caspian Sea* или *The Volga does not fall into the Caspian Sea*), а отрицание ложного – есть истина (например: *It is not true that the pears can grow on a birch* или *Pears do not grow on birch*). В этом случае отрицание понимается как форма выражения знания о ложности определенной (предшествующей) мысли.

Отрицание суждения в целом – простейшее понимание отрицания как запрещение считать суждение истинным и как явление сознания есть уже нечто вторичное. Кроме этого обычного, собственно логического критерия как абсолютной характеристики всякого суждения известен и другой способ различения утвердительного и отрицательного суждений, а именно по содержательному критерию наличия – отсутствия, бытия – небытия, существования – несуществования, присущности – неприсущности, совместимости – несовместимости и др. Остановимся более подробно на этом критерии, по которому и названа рассматриваемая концепция.

В логике различают логические и внелогические отношения. В первом случае имеются в виду наиболее общие отношения, которые определяют сами логические формы мышления. Так, например, отношение принадлежности признака предмету мысли конституирует суждение как форму мышления. В отличие от этого внелогические отношения (например: причинные, временные, пространственные и др.) входят в содержание суждения, то есть отражаются в содержании мысли, но не оформляют ее с точки зрения формы. Субъективно-предикатная структура отрицательного суждения содержит ряд логических отношений. Отношение принадлежности или непринадлежности предиката субъекту, введенное еще Аристотелем, – одно из важнейших логических отношений в атрибутивной логике, выражаемое логической связкой по известной формуле «S есть (не есть) P». Оно есть отражение реального отношения принадлежности (в утвердительном суждении) и непринадлежности (в отрицательном суждении) какого-то признака предмету мысли. В случае объемной интерпретации суждения, то есть истолкования суждения в терминах классов, в той же атрибутивной логике в качестве основного рассматривается отношение включения (в утвердительном суждении) одного класса предметов в другой класс предметов и исключения (в отрицательном суждении) соответственно одного класса предметов из другого класса предметов. Это тоже отражение реального отношения.

Основоположник логики отношений, шотландский логик и математик О. де Морган, не удовлетворившись истолкованием смысла логической связки, принятой

в традиционной формальной логике, еще в 1847 г. предложил усматривать в связке не выражение любых видов отношений, а их множество. Свести значение всех отношений к одному смыслу связки, подчеркивал он, было бы насилием над логикой и ни к чему бы не привело (Бондаренко, 1983: 31). С тех пор в логике отношений допускается, что основным отношением между двумя предметами мысли (субъектом и объектом суждения) может быть отношение любого рода, например: тождество, различие, несоответствие и др.

Не случайно поэтому сторонниками рассматриваемой содержательной концепции отрицания признается способность отрицательной связки фиксировать не только отношение непринадлежности или неприсущности, исключения класса из класса или элемента класса из класса (например: *A whale is not fish*. *A language can not be used only by aristocrats*), но и другие реальные отношения, как-то: небытие или несуществование чего-либо (например: *There are no slaves nowadays*), различие или инобытие чего-либо (например, *He went not to Moscow* отрицается тождество между местом, куда он поехал, и Москвой, то есть отражается различие), несовместимость чего-либо с чем-либо или несовместность чего-либо в чем-либо (например: *Heat is not colour*) и др. Некоторые из этих основных логических отношений, отражающих объективные отношения, очень близки между собой. Так, например, в суждении *China does not conduct electricity* связка *does not conduct* выражает непринадлежность, неприсущность фарфору свойства электропроводности, исключение фарфора из класса электропроводных веществ, реальную несовместимость этого свойства с другими свойствами фарфора; можно сказать, что речь идет и об отсутствии у данного вещества определенного свойства. Рассмотрим некоторые из приведенных логических отношений, фиксируемых в отрицательных суждениях.

Одним из решительных сторонников точки зрения, согласно которой отрицание, как и утверждение, имеет объективное онтологическое основание, а именно различие, был Томмазо Кампанолла. Итальянский мыслитель считал, что утвердительные и отрицательные суждения отражают соответственно бытие и небытие чего-то; и «вот это определенное есть лишь благодаря тому, что оно не есть что-либо другое». Человек есть – это его утверждение, но он является человеком

лишь благодаря тому, что он не есть камень, лев и т.д. (цит. по: Бондаренко, 1983: 32).

Сущность утвердительного суждения понимается как выражение того, «что одна вещь есть некоторая другая вещь», а сущность отрицательного суждения – как выражение того, что «одна вещь не есть другая» (Бондаренко, 1983: 32).

Английский логик У.С. Джевонс, указывая на связь тождества и различия как двух сторон единого предмета или процесса, подчеркивал, что утверждение и отрицание, сходство (вид тождества) или различие суть пары одинаково основных логических отношений. Отражение отношений тождества и различия, имеющиеся в самих предметах объективной действительности, находят свое выражение и в формах мышления – соответственно в утвердительных и отрицательных суждениях (Бондаренко, 1983: 32).

Определение признаков познаваемой вещи, установление ее качественной определенности происходит на основе сравнения данной вещи с другими вещами. В сравнениях часто встречается акт противопоставления. Противопоставление – действие, или акт в мышлении и познании, посредством отрицания устанавливающее противоречащую противоположность признаков. Элементарной формой противопоставления будет дихотомическое разделение по форме «А и не-А».

Устанавливаемые в процессе элементарного познания отношения тождества и различия, имеющиеся в самих предметах (явлениях) действительности, находят свое отражение в мышлении – в формах утвердительного и отрицательного суждений соответственно. Разумеется, что не всякое сиюминутное знание может быть выражено в форме утвердительного или отрицательного суждений, объективной основой которых являются тождество и различие. Согласно теории тождества объемов понятий, суждение, устанавливающее тождество между субъектом и предикатом, называется положительным, а суждение, устанавливающее различие терминов суждения, – отрицательным. Таким образом, если утвердительные суждения фиксируют тождество, то отрицательные – различие составляющих их понятий как в процессе элементарного познания, так и вне такого процесса (то есть в самый момент формирования мыслей). Так, говоря, что синее – не желтое, мы

устанавливаем или просто выражаем различие чего-либо.

В своей книге «Отрицательные высказывания», И.Н. Бродский комментирует появившуюся концепцию А. Айера, где последний высказал ряд новых соображений относительно смысла и познавательного значения отрицательных высказываний.

Хотя, по мнению А. Айера, мы без труда отличаем отрицательные выражения от утвердительных, отмечает И.Н. Бродский, нелегко указать критерий этого различия. Признавая, что практически его роль обычно играют слова «не», «нет», «не существует» и т. п., А. Айер тем не менее, отвергает данный лингвистический критерий, так как он, по его мнению, не характеризует различия в значении утвердительных и отрицательных высказываний. Согласно этому критерию, «Эверест самая высокая гора в мире» и «Эверест не самая высокая гора в мире» – утвердительное и отрицательное высказывания. Но сказать «Эверест самая высокая гора в мире», значит сказать «Не существует в мире горы выше, чем Эверест». Последнее, однако, приходится считать отрицательным высказыванием. Высказывание же «В мире имеется такая гора, которая выше Эвереста» – утвердительное, хотя оно имеет тот же смысл, что и высказывание «Эверест не самая высокая гора в мире». Если придерживаться лингвистического критерия, то тождественность смысла перечисленных высказываний, говорит А. Айер, будет свидетельствовать о том, что отрицательность не связана с содержанием высказывания. Может показаться, замечает он, что эти предложения выражают две различные мысли. Но если задать вопрос, каким критерием решается, что это – различные мысли, то окажется, что это опять-таки только лингвистический критерий.

Однако И.Н. Бродский настаивает, что примеры, с помощью которых А. Айер стремится показать, что слова «не есть» и «не существует» не выражают отрицательного содержания, не убеждают и не соглашается с тем, что сказать «Эверест самая высокая гора в мире» значит сказать «Не существует в мире горы выше, чем Эверест». Неверно, что эти высказывания выражают одну и ту же мысль. Возможно, в некоторых контекстах эти высказывания неразличимы и взаимозаменяемы, но ведь первое предполагает единственность (самая высокая гора одна), а второе допускает другую гору, такую же высокую, как Эверест (Бродский,

1973: 49).

А. Айер приходит к выводу, что различие между утвердительными и отрицательными высказываниями вообще не является лингвистическим. Но И.Н. Бродский говорит, что с этим трудно согласиться. Конечно, языковые средства выражения внешне и случайны по отношению к содержанию, но лишь в том смысле, что они могут быть различными. Хотя в большинстве естественных языков нет единого средства для выражения отрицания, однако какие-то средства его выражения должны существовать, и лингвистический критерий, каким бы ложным он ни был, в принципе может быть сформулирован. Если словосочетания с отрицательной частицей не имеют отношения к выражению отрицательного по содержанию высказывания, то как они могут играть роль того «практического» критерия различения, о котором говорит сам А. Айер? Известно, что к числу средств выражения отрицания в естественных языках кроме отрицательных частиц, местоимений и наречий относят порядок слов и интонацию.

И.Н. Бродский замечает, что семантическое определение отрицания в терминах истины и лжи также, по мнению А. Айера, не дает критерия, с помощью которого отрицательные высказывания можно было бы отличать от утвердительных. Семантическое определение, согласно которому отрицание истинного высказывания есть ложь, а отрицание ложного есть истина, не дает критерия, так как когда положительное высказывание истинно, его отрицанием будет каждое ложное высказывание, а когда положительное высказывание ложно, его отрицанием можно считать любое истинное высказывание. Обычное табличное задание отрицания как функции истинности выходит за рамки того, что мы ищем, так как истинностное значение конкретного высказывания не может быть переменным (Бондаренко, 1983: 50).

Но хотя А. Айер и отвергает лингвистический критерий различения утвердительных и отрицательных высказываний, его собственный критерий различения утвердительных и отрицательных высказываний тоже лингвистический. Как критерий различения утвердительных и отрицательных высказываний А. Айер вводит понятие специфичности высказываний. Например, он говорит, что

предложение типа «объект А ультрамариновый» является более специфичным, чем предложение «объект А синий». Таким образом, высказывание «объект А – голубой» имеет меньшую степень специфичности (более специфическое), чем высказывание «объект А – не голубой», так как понятие «не голубой» может являться другим цветом спектра и фактически определять другой цвет, например, фиолетовый, следовательно, быть более специфическим. Согласно введенному критерию первое высказывание поэтому утвердительное, второе – отрицательное. Класс утвердительных высказываний содержит все высказывания, более специфические, чем их дополнения.

Даже А. Айер приходит к выводу, что отрицательные высказывания являются менее информативными, чем утвердительные. Например, высказывание «Атлантический океан не голубой» является описанием Атлантики в том же смысле, в каком высказывание «Средиземное море голубое» является описанием Средиземного моря. Первое высказывание, безусловно, менее информативно, чем второе, так как не указывается, какой другой цвет имеет океан. Но ведь сказать, что описание является относительно неинформативным, не значит сказать, что оно не является описанием вообще. Истинное отрицательное высказывание, говорит А. Айер, не дальше от фактов, чем истинное утвердительное. Реальность не содержит в себе ничего отрицательного, она положительна в том смысле, что все вещи являются тем, чем они являются. Все истинные высказывания относятся к положительной реальности, описывают ее, и с этой точки зрения, все они утвердительные. Сказать, чем вещи не являются, есть один из способов сказать, чем они являются. Таким образом, утверждение и отрицание могут различаться как разные способы описания только по степени информативности.

Ясно, что критерий степени специфичности сам по себе не связан с обстоятельствами, которые определяют меньшую информативность отрицательных высказываний.

Относительно недавно вышла в свет новая книга «Новое в зарубежной лингвистике», в которой высказывается интересная, на наш взгляд, точка зрения, которая касается не проблемы определения критериев отрицательных высказываний,

а проблемы их семантики. Автор (Ч. Филлмор) выдвигает теорию, в которой говорит, что отрицание может быть контекстно-свободным и контекстно-связанным.

Под контекстно-свободным отрицанием понимается такое отрицание, которое не требует каких-либо пояснений с помощью контекста, и может быть проиллюстрировано таким типом предложения: *Her father doesn't have any teeth* – *У ее отца нет зубов.*

Отрицание в таком предложении не требует установления связи с чем-либо в предшествующем тексте. В нашем представлении мы всегда имеем в распоряжении образ лица и при необходимости можем вызвать образ, у которого только будут отсутствовать зубы. В противоположность предыдущему примеру приведем следующий: *Her husband doesn't have any walnut shells* – *У ее мужа нет скорлупок грецкого ореха.*

Данное предложение уже требует привлечение контекста, в котором обсуждается возможность того, что у ее мужа могут иметься скорлупки грецкого ореха.

Эти два примера мы не можем оценить с точки зрения их ложности или истинности, так как мы не знаем ни ее отца, ни ее мужа, и мы не знаем, существуют ли эти люди сейчас. Но иногда использование отрицания носит намерение говорящего воспрепятствовать тем вполне естественным выводам, которые могут быть сделаны из соответствующего утвердительного предложения: *He didn't lose his little finger, they removed his whole arm* – *Он лишился не мизинца: он потерял всю руку.*

Дж. Уилсон говорит следующее: «Ложность *p* является превосходным основанием для утверждения *не-p*, однако столь же хорошим основанием для отрицания могло бы послужить нежелание говорящего утверждать *p* не потому, что оно ложно, а по совершенно иным причинам. И такой достаточно очевидной причиной для нежелания утверждать *p* может быть то, что оно вводит в заблуждение; например, предполагает то, с чем нельзя согласиться; таким образом, в ситуации, когда вполне возможно, что произнесенное *p* повлечет *q*, и когда говорящий не хочет, чтобы предполагалось *q*, он может сказать *не-p* не потому, что возможна ложность *p*, а потому, что оно может ввести в заблуждение. Что касается трактовки отрицания, то

я теперь считаю, что такая интерпретация все же должна оказаться правильной и не затрагивать существующих условий истинности» (цит. по: Филлмор, 1988: 80).

Итак, согласно содержательной концепции отрицания, идущей от Аристотеля, аналог утверждения и отрицания находится в самой действительности в виде существования или не существования чего-либо, присущности или не присущности чего-либо чему-либо и т.п. Отражение этих реальных отношений в содержании соответствующих утвердительных и отрицательных суждений есть их первая и существенная функция.

Отрицательное суждение типа «S есть P» в целом можно рассматривать как логическую форму, в котором явным или неявным (скрытым) образом отражается знание о различных видах небытия, несуществования, отсутствия, различия, непринадлежности (исключения), несовместимости, признака (или группы признаков) P (свойства, действия, состояния, отношения, связи и т. п.) у предмета мысли S. В содержании всякого утвердительного и отрицательного суждения отражается:

- 1) существование или не существование в действительности предмета мысли или чего-либо в нем;
- 2) принадлежность или непринадлежность признака (или группы признаков) данному предмету мысли;
- 3) отношения одного предмета к другому.

Сторонники данной концепции полагают, что отрицательные суждения есть форма выражения знания о ложности опровержения (возражения) истинности предшествующей мысли; и в этом случае референтом отрицания выступает выполненное суждение (чья-то мысль о чем-то). Отрицание как логическая операция указывает на противоречие той или иной мысли действительности, на несовместимость данной мысли с другой мыслью, которая является истиной, на запрещение признавать суждение истинным.

Выводы по Главе I.

Проведенный анализ концепций отрицания позволил нам сделать некоторые выводы и прийти к заключению, что все данные концепции представляют для нас определенный интерес, так как мы рассматриваем отрицание не с какой-либо одной стороны, но пытаемся охватить это явление в целом.

Функционирование отрицания в английском языке не может быть рассмотрено лишь с точки зрения истинности отрицательных суждений, или их первичности, или вторичности по отношению к положительным суждениям. Мы не сказали «утвердительных суждений», так как в определенных ситуациях и отрицательное суждение может быть утвердительным. Это противоречие иллюстрирует, насколько многогранной может быть именно реализация средств выражения отрицания в языке, который является очень гибким и постоянно развивающимся явлением.

Отрицание в языке может реализовываться на любом его уровне: на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом. Поэтому было бы неправильно отдать предпочтение какой-либо одной концепции, так как отрицание интересует нас и с точки зрения субъективной оценки (§5), и с точки зрения существования – несуществования или инобытия (§1 и §2), и с точки зрения предикативности отрицания, истинности или ложности отрицательных суждений, их первичности или вторичности и т.д.

Глава II. Функционирование отрицания в современном английском языке

§1. Отрицание в контексте функционально-семантического поля

По признаку «отрицательность» в сферу взаимодействия втягивается крайне широкий круг разноплановых, не всегда сопоставимых языковых явлений, в среде которых находит свое место и такое многомерное явление как предложение. Отрицание в языке может быть выражено как в эксплицитной, так и в имплицитной форме.

«Поскольку отрицание в языке представляет собой систему разнородных единиц, способных взаимодействовать для выражения определенной семантической функции, то его можно определить как функционально-семантическую категорию, которая имеет свой план выражения и содержания» (Переяшкина, 1994: 110).

Формальная сторона функционально-семантической категории отрицания представлена языковыми элементами всех уровней, которые могут быть рассмотрены в виде поля. Поле, вслед за В.Н. Бондарко, понимается нами как «двустороннее содержательно-формальное единство» (цит. по: Переяшкина, 1994: 110), формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими, просодическими и словообразовательными элементами, относящимися к одной и той же семантической зоне. Разноуровневые единицы языка объединяются в поле отрицания потому, что имеют общую семантическую функцию – передавать смысл отрицания и потому, что в основании их объединения лежат общие семантические признаки (например, несуществование, лишенность, отсутствие; неприсущность и т.д.).

Организация элементов в поле предполагает наделение в нем ядра (центра) и периферии. Исхода из принципов построения поля, а именно, из принципа наибольшей устойчивости и регулярности употребления языковых единиц в функции передачи идеи отрицания к центру поля можно отнести эксплицитные средства выражения языкового отрицания, представленные формально-

грамматическими и морфологическими единицами. К периферийной области можно отнести имплицитные средства передачи отрицания, представленные лексически (в качестве семантического компонента в лексическом значении словоформы), или определенной комбинацией языковых единиц разных уровней. Следует также отметить, что просодические средства занимают особое положение в системе элементов данного поля, так как участвуют в передаче отрицательного смысла, выраженного любым образом. Просодические средства способствуют функционированию отрицательного высказывания в речи, оформляя его, а также отличаются функциональной нагруженностью при дифференциации семантических оттенков отрицания.

Среди эксплицитных маркеров отрицания в английском языке ведущее положение (роль доминанты) занимают частицы *no* и *not* (так, системный анализ примеров, которые были отобраны для данной работы, подтвердил, что данное утверждение верно). Своеобразие английского языка проявляется в функциональном распределении данных частиц при выражении значения отрицания. Частица *no* отличается, прежде всего, тем, что именно она в наиболее обобщенном и отвлеченном виде передает значение отрицания, когда используется в изолированном виде. В предложении частица *no* служит для частного отрицания явления, выраженного именем существительным или его заместителем *one*. Частица *not* используется только в сказуемом, если отрицается действие или предикатив, выраженный не именем существительным. Из-за глагольной ориентированности частицы *not* О. Есперсен, например, называет ее наречием (Есперсен, 2006: 374).

К ядру функционально-семантического поля отрицания можно отнести морфологические средства – местоимения и наречия общеотрицательной семантики, выражающие отрицание наличия объекта вообще или в той или иной его количественной или качественной определенности, такие как *no one, nobody, nothing, none (of), neither (of), nowhere (adverb of place), never (adverb of time or frequency), neither, nor (adverbs of addition), nohow*.

Наряду с перечисленными средствами отрицательное значение могут выражать различные словообразовательные элементы *non-, un-, in- (il-, im-, ir-), dis-, de-, mis-, -less,*

формирующие так называемое аффиксальное отрицание, которое можно отнести к промежуточному звену между центром и периферией поля. Слова с отрицательными аффиксами выражают значения отсутствия, лишения, противоположности.

В выражении отрицания принимают участие и некоторые союзы, которым свойственно значение противоположности или несходства соединяемых элементов: *not... but, not only... but, neither... nor*. Например: “I don’t mind telling you that I’ve read his novels not once or twice, but half a dozen times, and every time I read them I think they’re finer.” (Maugham, 2008: 74); “Skelton knew neither what to say nor what to do.” (Maugham, 2000: 48).

К периферии исследуемого поля можно отнести лексическое отрицание, которое не является явно выраженным, а присутствует в качестве семантического компонента в лексическом значении словоформы и эксплицируется в словарных статьях с помощью частиц *no* и *not*. Среди лексических средств можно выделить слова с отрицательной семантикой, функционирующие в предложении так же, как и отрицательные местоимения или наречия: *hardly, scarcely, barely* (= *almost not*); *few, little* (= *not many, not much*); *rarely, seldom* (= *not often*). Например: “The funny thing is that I hardly knew him” (Maugham, 2008: 49).

Следует отдельно упомянуть о союзе *lest*, который по своим свойствам можно также отнести к словам с отрицательной семантикой, например: “Do not give what is holy to dogs, and do not throw your Pearls before swine, lest they trample them under their feet, and turn and tear you to pieces.” (New Testament and Psalms – Mathew: 7–6);

В отдельную микрогруппу можно выделить лексемы с так называемым «унаследованным» отрицанием, в которых отрицание маркировано исторически (например: *deny* = *not to admit*, *refuse* = *not to accept*, *forbid* = *not to permit*). Например: “...they were unpretentious; she hated (did not like) things to be pretentious.” (Maugham, 2008: 107).

Отрицание может быть передано и предлогами типа *without* = *not having, not with*, который обозначает отсутствие, лишение кого- или чего-либо. Например: “He looked without curiosity at O’Rory...” (Maugham, 2000: 128).

К периферийной области можно отнести и разноуровневые единицы языка

(синтаксические, лексические, просодические), которые в определенном сочетании способствуют формированию отрицательного смысла на уровне высказывания. Экспликация отрицания в данном случае происходит при лингвистическом анализе путем семантического трансформирования. Например: “I’m so sorry, Guy. I have broken your life, but I’ve broken mine too. And we might have been so happy (we are not happy).” (Maugham, 2000: 35).

Основные дифференциальные семантические признаки значения отрицания выражаются средствами, которые относятся к ядру поля. Они могут передаваться, конкретизироваться периферийными средствами. Однако на периферии могут находить выражение и новые признаки, дополняющие семантические возможности ядра. Это объясняется тем, что различные функционально-семантические поля пересекаются, создавая сложные комбинации значений (семантические комплексы). Так, поле отрицания в языке тесно соприкасается и взаимодействует с полем модальности. Это и обусловило тот факт, что имплицитное отрицание в большинстве случаев отмечено эмоционально-модальным характером его выражения.

Так, например, высказывание типа *And you have the nerve to call me a cynic. = It is you who are a cynic* имеет насмешливо-презрительное значение, которое выражает отрицание ранее данной говорящим оценки моральных качеств собеседника. Указанное высказывание говорящего отражает его эмоциональное состояние и в то же самое время передает его личностное отношение – несогласие с выдвинутым ранее предложением собеседника:

“Well, at all event it’s a mercy that Charlie’s life was insured,” said Janet,
Then I turned on her.

“And you have the nerve to call me a cynic.” (Maugham, 2000:178).

Высказывания типа “Why should I tell you a lie?” (Maugham, 2000: 61) = I have no reason to tell you a lie могут выражать удивление или возмущение по поводу предыдущей реплики и пониматься как совет не предпринимать поспешных выводов, могут выражать осуждение как необоснованного или нецелесообразного понимания адресатом речи, и смысл его может быть передан через следующую коммуникативную импликацию: «Если у тебя нет веского обоснования для того,

чтобы доказать ложность моих слов, тебе не следует сомневаться в том, что я говорю правду».

Конструкция типа “*How the hell should I know?*” = *I do not know* (Maugham, 2000: 41) может быть просто фамильярным отрицанием или грубым возражением (ответом) по поводу замечания собеседника и т.д. Как мы видим, наряду с эмоционально-модальной окраской высказывания (удивлением, раздражением, насмешкой, иронией и т. п.) появляется значение отрицания. Проведенное нами исследование показало, что имплицитный смысл отрицания чаще всего передается вместе с модальными значениями проблематичности существования (осуществления чего-либо или значениями недопущения возможности существования) осуществления действия, приписывания какого-либо признака предмету речи, а также значениями, передающими эмоциональное состояние говорящего. Данные имплицитные смыслы возникают на основании определенной комбинаторики, выражающей их языковых средств и передаются всей структурой в целом.

Итак, формальная сторона функционально-семантической категории отрицания представлена языковыми средствами всех уровней, которые могут быть рассмотрены в виде поля, имеющего определенную структуру. Имплицитные средства передачи отрицательного смысла в высказывании связаны с периферийными составляющими соответствующего языкового поля и поэтому одновременно могут служить целям выражения эмоционально-модальных значений.

§2. Роль отрицательных аффиксов в формировании экспрессии

Суффиксально-префиксальные морфемы *a-, ab-, anti-, de-, dis-, in-* (и варианты этого префикса *il-, im-, ir-*) *-less, mal-, non-, un-* являются активным средством в словообразовании современного английского языка. Эти морфемы интересны не только с точки зрения той роли, которую они играют в образовании слов, но и потому, что представляют собой систему аффиксов, которые объединяют отрицательная семантика и способность участвовать в образовании аффиксальных

АНТОНИМОВ.

Значение аффиксальных морфем зависимо: оно реализуется в сочетании с корневыми морфемами и связано с теми грамматическими классами, к которым относятся слова с отрицательными аффиксами. Если рассматривать словообразование с точки зрения экспрессии, то важно обратить внимание на разную природу коннотаций в отрицательных аффиксах и в аффиксах с отрицательной оценочной коннотацией. Аффикс с коннотацией отрицательной оценки имеет прагматический субъективный характер, то есть показывает, что указанное основой явление существует, но говорящий относится к этому неодобрительно. Отрицательные аффиксы имеют, прежде всего, логико-синтаксическую функцию. Они показывают, что признак или явление, указанные в основе, не существуют в описываемой действительности.

Подавляющее большинство отрицательных аффиксов составляют префиксы. Что касается сочетаемости отрицательных аффиксов с основами различных частей речи, то она может варьироваться. В английском языке, германский по происхождению префикс *un-* с отрицательным значением не избирается глагольными основами, поскольку значение не действия в этом языке выражается частицей *not* (производные типа *unlike* ему не свойственны). При глагольных префикс *un-*, как и близкие ему префиксы *dis-*, *de-*, *mis-*, имеет не собственно отрицательное, а частичное значение, то есть значение действия, обратного (противоположного) действию, выраженному мотивирующим глаголом, например: *to tie – to untie*. В качестве остаточного явления в современном английском языке выделяются всего несколько глаголов, у которых префиксы *mis-* и *dis-* имеют отрицательное значение: *dislike* «не любить», *disbelieve* «не верить», *distrust* «не доверять» (Бондаренко, 1983: 80). В Таблице 1 мы отразили морфемы, относящиеся к разделу словообразовательных элементов.

Таблица 1. Морфемы, относящиеся к разделу словообразовательных элементов

Аффиксы	К какой части речи присоединяются	Производные	Значение	Синонимы	В какой литературе встречаются	Примеры
a-	Прилагательные и существительные	–	Противоположное первоначальному или отрицательное	Un-, in-	Любая	Achromatism – бесцветность, Amora –аморальный.
ab-	прилагательные	Существительные	Противоположное первоначальному	Un-, in-	Любая	Abnormal – ненормальный, Ablactate – отнимать от антифашист.
anti-	Прилагательные и существительные	–	а) противоположность идеологии, мировоззрения, деятельности; б) противоположное значение, обратное направление; в) противодействие, нейтрализующее влияние; г) противоречивость, несоответствие чему-либо; д) лечебное или профилактическое средство; е) лицо, претендующее на что-либо, соперничающее в чем-либо.	–	Газетная лексика	Antifascist – антифашист, Anti-American – антиамериканский, Antarctic – антарктический, Anticyclone –антициклон, Antacid – антацид, Antidotal – противоядный, Antilogical – антилогичный, Antisense – противосмысл, Antibiotic – антибиотик, Antipoison – противоядие, Antipope – претендующий на избрание папой римским, антипапа.
de-	Глаголы, к именным основам	Существительные, прилагательные и глаголы от именных основ	а) действие обратное тому, которое обозначено основой; б) противоположный смысл; в) лишение чего-либо, удаление откуда-либо.	Dis-	Научно-техническая, медицинская и юридическая	Declutch – расцеплять, Decypher – расшифровывать, Defrock – лишать дух, сана, Debus – высаживаться из автобуса, автомашины.
dis-	Глаголы, существительные	Существительные, прилагательные	а) действие обратное тому, которое обозначено основой; б) уничтожение, лишение чего-либо, какого-либо качества; в) отделение, разделение, разложение на составные части, рассеяние в стороны; г) усиление отрицательного по содействию слова.	De-, un-, mis-	Любая	Disjoin – разъединять, Disbark – сдирать кору Disfrock – лишать дух, сана, Dishonour – бесчестье, Disagreeable – неприятный, Dismiss – распускать, Disannul – аннулировать, полностью уничтожать.
in-(il-, im-, ir-)	Преимущественно прилагательные	Производные прилагательных	а) отрицательное значение; б) отсутствие какого-либо качества.	Dis-, non-	Любая	Inaudible – неслышный, Impossible – невозможный, Irreligious – неверующий, Illiteracy-неграмотность.

-less	Существительные и глаголы	Прилагательные, существительные	а) лишение, отсутствие того признака; б) невозможность совершения действия.	Un-	Любая	Endless – бесконечный, Lifeless – безжизненный, Cureless – неизлечимый, Fadeless – увядаемый.
mal- (male-)	различные	–	а) плохой, плохо; б) неправильный; в) неуместный.	Mis-	Любая	Maltreat – плохо обращаться, Malpractice – незаконное действие, Maladroit – неловкий, Malefactor – негодяй,
mis-	Глаголы и существительные	Прилагательные	а) противоположное значению основы; б) значение неправильности; в) усиление первоначального отрицательного значения.	Dis-	Любая	Mistrust – недоверять, Misfortune – неудача, беда, Misfire – осечка, Misdemeriting – заслуживающий высшей степени порицания.
non-	Существительные и прилагательные	–	а) противоположное основе; б) отсутствие качества	In-	Публицистическая литература, газета	Non-acceptable – неприятие, Non-productive – непроизводительный, Non-human – не принадлежит человеческому роду.
un-	Прилагательные, причастия, существительные и глаголы	Глаголы от существительных	а) придает отрицательное значение; б) новое качество; в) с причастиями прошедшего времени слова с послелогоми; г) противоположное или обратное действие; д) лишение, освобождение; е) удаление, извлечение.	Dis-, -less	Любая	Unlit – незажженный, Untruth – неправда, Uncommon – необычный, Unruly – непокорный, Unheard-of – неслыханный, Unarm – разоружаться, Unmake – уничтожать, Unloose – ослаблять, Unfrock – лишать дух, сана Uncap – снимать шляпу,
ill- (не аффикс, а исторически сложившееся слово, имеются возможности присоединиться к другим словам)	Причастия II, герундии, существительные	–	а) противоположное первоначальному; б) «плохо», «неправильно».	–	Любая	Ill-bred – невоспитанный, Ill-being – неблагополучие, Ill-luck – невезение, Ill-nature – злоба.

Относительно английского языка интересно отметить, что в Северной Шотландии отрицательные формы Present и Past Participle строятся при помощи отрицательного префикса *on-* (= *un-*). Характерны такие формы, как *onbeen* (= *not, without being*), *onhad, onhen* (= *not, with - it having*), *ondoin* (= *without doing*), *ongruten* (= *without greeting*) и др. При именах прилагательных и (реже) существительных чаще всего употребляются префиксы *un-* (омоним глагольному *un-*), *non-*, *in-* (*im-*, *il-*, *ir-*), *dis-*, *mis-*, например, *unknown, untruth, nonessential, non-conductor, illogical* и т. п. Наиболее близкими по значению являются префиксы *un-*, *non-*, *in-*, о чем свидетельствуют слова-дубликеты, мало отличающиеся друг от друга своими значениями, ср.: *nonprofessional – unprofessional, unacceptable – unacceptable*. Суффикс *-less*, обозначающий отсутствие чего-либо, присоединяется главным образом к основам прилагательных в существительных, например: *powerless, useless*. Этому суффиксу близок по значению (отсутствие, лишенность) префикс *un-*, что подтверждается наличием слов-дублетов, например: *endless – unending, profitless – unprofitable*.

Хотя в английском языке мы наблюдаем наличие союзов, которые присоединяют к себе разные отрицательные аффиксы, большинство аффиксальных синонимов не абсолютны, например: *disused – no longer used; fallen out of use; obsolete; unused – not made use of; misused – improperly used or employed, ill-treated* (Леонтьева, 1974: 18).

Как видим, отрицательные аффиксы в английском языке присоединяются только к именным основам. Глагольные же основы с отрицательными аффиксами не сочетаются, ибо глагольное отрицание передается в этом языке аналитической формой глагола с частицей *not*.

Вместе с тем отрицательные аффиксы связаны с коннотациями, но с коннотациями экспрессивности. Сравнивая такие слова, как *unbending, unerring, unmask*, с их не содержащими отрицательных аффиксов синонимами *rigid, accurate, reveal*, можно даже вне контекста обнаружить в них экспрессивность, основанную на образности. Больше того, экспрессивность всякого отрицания, независимо от того, при помощи каких средств – лексических или грамматических – это отрицание осуществляется, основана на том, что отрицание показывает, что связь между

элементами высказывания возможна, но не существует. Таким образом, отрицание можно рассматривать как сжатую одночленную антитезу. Экспрессивность отрицательных префиксов основана на том, что с их помощью создается сжатый контраст. Ср.: “It was dreadful to give her such a terrible and unexpected blow without a word of preparation; but I found myself quite unable to think of any way to soften it.” (Maugham, 2008: 327).

При проведении анализа слов с отрицательными аффиксами мы выщедили 3 класса:

1) слова, которым отрицательный аффикс придает значение противоположное первоначальному, например: “But while they are everlasting they are at the same time, as you know, intolerably intense, unbearably extensive” (O’Brain: 125);

2) слова, которым отрицательный аффикс придает значение лишения качества, удаления от чего-либо, откуда-либо, разъединение, рассеивание, отделение и т.д. например: “It demands not to be brought up against the final black wall of rock..., or the disenchanting emergence into a country of plain prose which seems to hint there is no mystery at all.”(O’Brain: 125);

3) слова, которые с прибавлением отрицательного аффикса утрачивают свою отрицательную семантику и приобретают положительный смысл, например: “The great mass of undeniably commonplace American town-names derive, without doubt, from this ingenuous, and to some extent commendable habit of nomenclature” (O’Brain: 138).

Оттенки значений аффиксальных синонимов широко используются в художественной прозе. Несомненно то, что отрицательные аффиксы представляют собой ценность с точки зрения создания экспрессии, так как они позволяют, во-первых, «сэкономить» языковой материал, то есть создают более сжатый контекст, во-вторых, например, И.В. Арнольд считает, что слова с отрицательными аффиксами представляют собой антитезу (или сжатый контраст), что само по себе является стилистическим приемом отражения сложной и противоречивой природы взаимоотношений явлений реального мира (Арнольд, 2002: 118).

§3. К вопросу о семантике отрицательной частицы *not*. Проблема общего и частного отрицания в современном английском языке

Вопрос о семантике отрицательной частицы *not* является одним из спорных вопросов грамматики. «Согласно теории семантики отрицания, различные отрицательные частицы могут передавать не только отрицательное значение, но и различные субъективные оттенки значения, а также значения неопределенности, контрастно-утвердительные значения и т. д.» (Васильева, 1959: 78)

С.А. Васильева считает, что вопрос о семантике отрицательных частиц обычно неправильно называют вопросом о семантике отрицания (с чем мы полностью согласны, так как понятие отрицания в языке нельзя ограничить лишь грамматическим показателем отрицания, каким и является отрицательная частица *not*). Причем, по ее мнению, известное влияние на возникновение так называемой теории семантики отрицательных частиц оказали идеалистические взгляды тех логиков и грамматистов (Зигварт, Джемс, Виндельбанд, Вундт, Яков Гримм, Пауль, Дельбрюк, Шухардт, ван Гиннекен, Есперсен, Хаверс и др.), которые пытались решить проблему отрицания с точки зрения психологизма, понимая под отрицанием особое отношение говорящего к высказыванию (см. Главу I).

В лингвистической литературе имеются некоторые замечания относительно использования отрицания для выражения субъективно-модальных значений. А.М. Пешковский отмечал, что категория отрицания «обозначает не отношения между представлениями, а отношение говорящего к этим отношениям» (Пешковский 1997: 352). По мнению В.В. Виноградова, с «частицей «не» связаны сложные экспрессивные и количественно-модальные оттенки» (Виноградов, 2001: 672). В Грамматике современного русского языка отрицательная форма рассматривается как способ «более осторожного или более вежливого выражения вопроса» (Грамматика русского литературного языка, 1970: 570). Авторы приведенных высказываний рассматривают отрицание в связи с выражением оценки реальности, иными словами, они являются сторонниками той точки зрения, которая ставит отрицание в один ряд со значением модальности.

Мы полностью согласны с тем мнением, что исходя из субъективистского понимания отрицания, ряд исследователей определяет семантику той или иной отрицательной частицы в зависимости от мнения, которое они приписывают категории отрицания. Так, ван Гиннекен, считавший чувство одним из элементов отрицания, видит собственное значение отрицательных частиц в выражении чувства сопротивления. Отто Есперсен, вкладывающий в понятие отрицания чувство отвращения, рассматривает старое отрицание *ne* вместе с вариантом *te* как примитивные междометия отвращения. Сторонник аффективной теории отрицания Хаверс характеризует отрицательные частицы как примитивные междометия, служащие для выражения нежелания (Васильева, 1959: 78).

Отрыв от объективных связей действительности характерен не только для лингвистов, усматривающих значение отрицания исключительно в выражении чувства сопротивления, отвращения, нежелания, но и для тех исследователей, которые отождествляют значение отрицания с субъективной отрицательной оценкой, причем в последнем случае отрицательные частицы относятся обычно к разряду модальных наречий и модальных частиц. Так, Крейзинга рассматривает среди наречий модальности английское *not*. К модальным частицам относят *not* и автор научной грамматики английского языка (Васильев, 1959: 79).

Хотелось бы заметить, что в «Грамматике русского языка» в классе частиц «объединяются неизменяемые незначащие слова, которые выполняют следующие функции: 1) участвуют в образовании морфологических форм слов и форм предложений с разными значениями ирреальности; 2) выражают самые разнообразные субъективные модальные характеристики и оценки сообщения или отдельных его частей; 3) участвуют в выражении цели сообщения (вопросительность), а также утверждения или отрицания; 4) характеризуют действие или состояние по его протеканию во времени, по полноте или неполноте, результативности или не результативности его осуществления» (Русская грамматика, 1990: 336 – 337). Причем здесь автор настаивает на том, что «в любом случае в частице присутствует значение отношения» (там же: 337), то есть частицам приписывается значение модальности. Мы считаем данную точку зрения

несостоятельной, так как вся выше изложенная информация касается русского языка, который очень богат на разнообразные частицы, которые выполняют все перечисленные функции и действительно имеют оттенок модальности. Что же касается английского отрицания *not*, то рассмотрение его функций в предложении с этой точки зрения никак невозможно, так как его семантика отождествляется с семантикой предложения, которая создается сочетанием грамматических, лексических и фонетических средств.

Рассмотренные точки зрения на природу отрицательных элементов, несмотря на некоторые черты отличия, объединяет одно общее, а именно то, что отрицательные элементы, служащие средством выражения отрицания, связываются с субъективным отношением говорящего к высказыванию.

Материалистическое толкование природы логического отрицания делает совершенно невозможным отнесение отрицательных элементов к модальным наречиям и модальным частицам, как это делают некоторые авторы; так как английское отрицание *not* не обладает основным признаком, характеризующим модальные слова, то есть не выражает точку зрения говорящего лица на отношение речи к действительности. Перечисленные отрицательные элементы не могут быть отнесены ни к междометиям, так как они не выражают ни эмоциональных чувств, ни волеизъявлений, то есть не характеризуются основным признаком, свойственным междометиям.

Not более правомерно отнести к частицам, так как они обладают всеми признаками, характерными для частиц. Подобно частицам эти слова характеризуются морфологической неизменяемостью, невозможности оформления словообразовательными суффиксами. Целиком совпадает и синтаксическая функция *not* с синтаксической функцией частиц. Как и все частицы, *not* не выполняет функции членов предложения, а лишь входит в состав отрицаемых членов. Наконец, семантическим признаком частиц является отсутствие у них собственного вещественно-реального значения. Не имея вполне самостоятельного или материального значения, частица лишь придает особые дополнительные оттенки отдельным словам, сочетаниям слов, целым предложениям, а также служит для

выражения различных отношений между словами. *Not*, подобно частице, также не имеет предметного значения, не называет явлений действительности. Ее основная семантико-синтаксическая функция сводится к характеристике тех слов, с которыми она связана и которым она придает определенное логико-смысловое значение.

Рассмотрим несколько примеров: “History does not live in memory, it lives in words” (Fleming: 20)

Во всех приведенных предложениях частица *not* сообщает отрицательное значение всем словам, с которыми она связана либо логико-синтаксической, либо просто логической связью. Отрицательное значение, которое устанавливается в предложениях с помощью этой частицы, представляет собой не субъективное отношение говорящего, а логико-смысловое значение.

По характеру значения, которое частица *not* сообщает словам, их следует отнести к разряду отрицательных частиц.

До сих пор мы рассматривали точки зрения тех исследователей, которые приписывают отрицательным частицам какое-то одно определенное значение: значение сопротивления, отвращения, нежелания, субъективной отрицательной оценки. Другие ученые настаивают на семантической многозначности отрицания, пытаясь доказать, что отрицательный элемент, служащий средством выражения отрицания, может иметь не только отрицательное значение, но и целый ряд других значений, например: утвердительное, контрастно-утвердительное, значение колебания, нерешительности, сомнения и т. п.

Одним из сторонников теории полисемии (многозначности) отрицательных частиц является академик В.В. Виноградов. В русском отрицании *не*, академик Виноградов В.В. различает два модальных значения:

а) контрастно-утвердительное: утверждается наличие противоположного отрицаемому качества, действия или состояния;

б) чисто отрицательное с различиями в степени и в энергии отрицания (Виноградов, 2001: 670 – 671).

Вслед за В.В. Виноградовым те же два вида модальности, что и в русском языке, выделяет в современном английском языке Э.И. Айзенштадт. Считая, что категория

отрицания в современном английском языке обладает ярко выраженными эмфатическими оттенками, Э.И. Айзштэйт сводит значение отрицательных частиц к контрастно-утвердительной и акцентированно-отрицательной эмфазе. (Айзенштадт, 1949: 35).

В целом в самой постановке вопроса о модальном и эмфатическом отрицании проявляется субъективная точка зрения на природу логического отрицания. По мнению С.А. Васильевой, признавая модальность и эмфатичность отрицания, исследователи тем самым отрывают отрицание от определенной стороны действительности – разъединенности (как она ее определяет), отождествляя отрицание с субъективной оценкой.

Поскольку отрицание не идентично субъективной отрицательной оценке, то неправомерным является выделение как контрастно-утвердительной, так и чисто-отрицательной модальности. Неверной является попытка найти в отрицании различные степени. «Отрицание как объективная категория, выражающая разъединенность, имеющую место в действительности, не может иметь никаких степеней, поскольку сама разъединенность не имеет степеней» (Васильева, 1959: 81). Наконец, отрицание как категория, выражающая определенную сторону действительности, не может характеризоваться эмфатической окрашенностью. Те или иные эмфатические оттенки, которые имеют место в предложении, создаются не отрицательными частицами, а совокупностью различных средств, действующих в определенных синтаксических условиях.

В лингвистической литературе многократно поднимался вопрос о связи отрицания и модальности, о возможности отрицания служить средством выражения не только объективных, но и субъективных оценок. Вопрос этот до сих пор не решен и вызывает широкие дискуссии. Однако, на наш взгляд, отрицание само по себе не несет никаких модальных оттенков, и мы придерживаемся мнения С.А. Васильевой, которая считает, что «при выявлении семантических оттенков предложения необходимо анализировать все средства, с помощью которых в предложении создаются дополнительные семантические оттенки, ни в коем случае не приписывать их возникновение исключительно отрицательным частицам» (там же: 85).

По традиции, установленной в русской грамматике (и не только русской) Пешковским А.М. и Томпсоном А.И., принято деление отрицательных предложений на «обще- и частноотрицательные» в зависимости от положения отрицательной частицы при сказуемом или при другом члене (или группе членов) предложения соответственно. Мы не будем здесь рассматривать общеизвестные положения этой концепции, лишь напомним, что предложения с отрицанием при сказуемом или главном члене, выражающем предикативный признак, называются общеотрицательными, так как такое отрицание придает отрицательное значение всему предложению. А предложения с отрицанием, относящемся к какому-либо одному слову (или группе слов), называются частноотрицательными, так как отрицание относится не ко всей ситуации, а лишь к какой-то ее части.

Что же касается английского языка, то, учитывая все его особенности, мы считаем, что проблема общего и частного отрицания должна быть рассмотрена особо, так как сфера действия отрицательной частицы *not* в английском языке очень узка: она имеет фиксированное местоположение в предложении, независимо от того, к какому члену предложения она относится по смыслу. Как правило, отрицательная частица *not* находится перед сказуемым и часто присоединяется к глаголу-связке, образуя с ним сокращенные формы.

В аналитическо-флективном английском языке, для которого характерны значительное развитие элементов аналитизма и ограниченность флексий, выработаны специальные предикато-выделительные конструкции, приводящие в соответствие синтаксическую структуру предложения с его логико-грамматическим членением. Так, в случае несовпадения синтаксического и логико-грамматического уровней и, соответственно, сказуемого и логического предиката (то есть когда предикат выражен не глаголом-сказуемым) логико-грамматический предикат маркируется посредством оборота *it is (not)... that (who, which, where)*, с помощью которого может быть выделен любой член предложения, кроме сказуемого. Важность данного синтаксического оборота не только как маркера логико-грамматического предиката, но и в чисто формально-грамматическом отношении видна на примере отрицательных предложений (особенно когда в функции логико-

грамматического предиката выступает подлежащее). Если в утвердительных предложениях подлежащее в функции логико-грамматического предиката синтаксически не выражено, это затрудняет понимание, но не нарушает структуру предложения как грамматически оформленной единицы. Отрицательные же предложения вообще теряют всякую грамматическую стройность, если подлежащее в функции логико-грамматического предиката не выделено указанным оборотом (Бондаренко, 1983: 182). Например: “It is not often that a book meets with equal favour from the public and the critics ...” (Maugham, 2008: 77).

При трансформации, например, первого предложения мы получим конструкцию *A book does not often meet with equal favour from the public and the critics...*, хотя и соответствующую грамматическим правилам, но выражающую иную мысль. Тем самым употребление оборота *it is not ... that* с помощью синтаксического членения предложения приводится в соответствие с его логико-грамматическим членением, и степень расхождения между этими двумя уровнями в английском языке, языке аналитического строя, оказывается минимальной.

Для данного оборота характерно не только употребление подчинительных союзов *that (who, which, where)*, но и использование предлога *for + pronoun* с последующей инфинитивной конструкцией. Например: “It is not good for you to be cooped up here all the time” (Maugham, 2008: 193).

Как видим из последнего примера, для данного оборота не является неизменным употребление лишь отрицания *not*. Оно может быть с таким же успехом выражено в данном случае отрицательным аффиксом *un-*, и при трансформации мы получим тождественную конструкцию: *It was not necessary...*

Помимо этого, для выражения частого отрицания может быть использован оборот *there is not (no)... that (whom, which, etc.)*, который хотя и не является тождественным по значению обороту *it is not... that*, все же его ценность мы не имеем права умалять. Например: “... there was not one to whom he was inclined even to give a trial” (Maugham, 2008: 182).

Как уже упоминалось в §2, частное отрицание может быть выражено при помощи отрицания *no*, причем абсолютно не важно его местоположение. Независимо

от того, находится ли оно непосредственно после глагола-связки или нет, отрицает оно именно то слово, перед которым оно стоит. Например: “The cinema for which they were bound was at no great distance from Mr. Herenger’s flat and they walked there” (Maugham, 2008: 194).

Из данных примеров мы видим, что отрицание *no* отрицает только существительные или существительные с определениями. В том же случае, когда нам необходимо поставить отрицание непосредственно перед наречием или прилагательным, используется отрицание *not*, например: “Mrs. Albeit Forrester lived in a flat not far from the Marble Arch, which combined the advance of good address and a Moderate rent” (Maugham, 2008: 81.).

Таким образом, утверждение В.Н. Бондаренко, Л.Н. Пряжкиной и Л.М. Митрофаненко, что отрицание *not* может находиться в предложении лишь непосредственно после глагола-связки и образовывать только общее отрицание, мы считаем необоснованным.

Более того, хотелось бы подчеркнуть, что исследователи английского языка отмечают, что «общее» отрицание может быть выражено различными членами предложения, а не только отрицательной частицей *not*, относящейся к глаголу-сказуемому. Так, предложения с отрицательным подлежащим *no man, nobody, nothing* и др. интерпретируются как общеотрицательные, хотя по форме положительны, например: *Nothing was said* – *Ничего не было сказано*. «Общее» отрицание будет и во всех тех случаях, когда в функции дополнения или обстоятельства выступает соответственно отрицательное местоимение или отрицательное наречие, например: *I saw nothing* – *Я ничего не видел или Я не видел ничего*. Более того, в английском языке конструкции с отрицательным дополнением статистически уверенно преобладают над параллельной синонимической конструкцией с отрицанием при вспомогательном глаголе. Например: “I had never known a more devoted couple” (Maugham, 2008: 140).

Хотелось бы особо отметить отрицание инфинитивных конструкций. Хотя на первый взгляд кажется, что как раз их можно было бы отнести к исключениям употребления отрицательной частицы *not*, но при более подробном рассмотрении мы

наблюдаем все то же «общее» отрицание. Инфинитивные конструкции по своему значению приближаются к подчинительным предложениям с той лишь разницей, что они вводятся не к подлежащим или подчинительным союзом, а к инфинитивам. При этом не обязательно, чтобы перед ними стояло отрицание *not*, так как инфинитив сам по себе может быть отрицательным, то есть нести в себе семантическое отрицание. Таким образом, если перед инфинитивом, выраженным глаголом с отрицательной семантикой, стоит отрицание *not*, мы часто сталкиваемся с двойным отрицанием. Например: “I was sorry not to have been able to do more for Morton...” (Maugham, 2008: 145).

Гамлетовское *to be or not to be* может переноситься автором на более бытовой уровень для передачи комического эффекта, ср.: “To shingle or not to shingle, that is the question” (Maugham, 2008: 98).

Из всего выше сказанного можем сделать следующий вывод: разделение «общего» и «частного» отрицания, которое принято в языкознании, безусловно, давно доказано и имеет под собой достаточно веские доказательства. Но, так как эта традиция была заложена в советском языкознании Пешковским А.М. и с тех пор не пересматривалась, мы имеем основание утверждать, что мы не можем полностью приложить ее к английскому языку, так как в отличие от синтетического русского языка, английский является аналитическим, поэтому нужно рассматривать отдельно каждый конкретный случай для того, чтобы определить, в каком предложении имеет место «частное», а в каком «общее» отрицание.

§4. К вопросу о пресуппозиции так называемого риторического вопроса

По мнению Васильевой С.А., термин «риторический вопрос» в значении риторического вопросительного предложения, широко распространенный как в научной, так и учебной литературе, является неверным, так как понятие «вопрос» имеет значение не грамматической формы вопросительного предложения, а логической мысли, составляющей содержание вопросительного предложения.

Многие авторы по-разному определяют такое языковое явление как так

называемый риторический вопрос:

- 1) риторическое вопросительное предложение (С.А. Васильева);
- 2) вопросительно-повествовательное предложение (К.А. Истомина, А.М. Пешковский);
- 3) категорическое суждение плюс восклицание (П. С. Попов).

Для нас представляет интерес так называемый риторический вопрос с точки зрения его семантики, так как всем известно, что «утвердительный риторический вопрос имеет отрицательное значение, а отрицательный риторический вопрос имеет утвердительное значение» (Истомина, 1986: 44). (В дальнейшем мы будем придерживаться определения «риторического вопроса» Истоминой К.А. – вопросительно-повествовательное предложение (ВПП)).

Лингвисты давно определили статус так называемого риторического вопроса в общей системе коммуникативных типов предложения. К.А. Истомина считает, «вопросительно-повествовательное предложение» имеет форму вопроса, но в отличие от чисто вопросительного предложения оно непосредственно выражает суждение. Будучи по форме вопросительным, риторический вопрос все-таки остается вопросом. Точка зрения С.А. Васильевой на данную проблему отличается от предыдущей. Она считает, что «риторические вопросительные предложения» отличаются от подлинно вопросительных предложений с логической стороны. В то время как подлинно вопросительные предложения имеют своим содержанием мысли-вопросы, «риторические вопросительные предложения» выражают обычные категорические суждения с эмоциональной окраской и являются псевдоquestionительными предложениями. Не выражая вопроса, они обладают лишь внешней вопросительной формой, которая используется для выражения категорического суждения. Предложения этого типа, в отличие от подлинно вопросительных предложений, не требуют прямого ответа. Ответ подразумевается в вопросительном предложении как таковом в качестве утверждения или отрицания определенного факта.

Компонентами, определяющими смысл ВПП, являются вопросительность, повествовательность, отрицательность и утвердительность. Все эти компоненты

представляют собой оппозиционные составляющие синтаксической семантики ВПП. При этом вопросительность и отрицательность, в отличие от повествовательности, выражены на поверхностном уровне определенными лексико-грамматическими средствами.

Компоненты семантической структуры вступают друг с другом в семантические отношения, что порождает возникновение большого количества коннотационных значений.

Как показало исследование, в ВПП наблюдается несоответствие языковой и логической категории отрицания, что обуславливается определенным взаимодействием семантических компонентов предложения, оказывающих решающее влияние на смысловую структуру предложения. В исследуемых конструкциях семантика запроса информации оказывается дополненной семантикой отрицания и специализирована категориальным признаком повествования.

Известно, что отрицательный ВПП имеет утвердительный характер. Анализ языкового материала позволяет утверждать, что отрицание, служащее в «риторическом вопросе» для передачи резко усиленного утверждения, проявляет себя неодинаково.

Проведенные исследования языкового материала позволили нам составить следующую классификацию конструкций, которыми могут быть выражены ВПП:

1) общий вопрос – не меняя основного значения предложения, отрицательное слово в общем вопросе служит для выражения отношения говорящего к содержанию вопроса. Наличие отрицательного элемента показывает, что говорящий считает более вероятным утвердительный ответ и наоборот (см. выше в этом же параграфе). Объясняется это особенностями общего вопроса, в котором неизвестен характер отношений между субъектом и предикатом, а поэтому положительный или отрицательный запрос о характере этих отношений не оказывает существенного влияния на содержание вопроса. В современном английском языке это явление широко употребляется как стилистический прием, например: “And is it not odd that this event, of an importance so dramatic, may be brought about by a cause so trivial?” (Maugham, 2008: 129). Пресуппозиция – удивление, недоумение (кто бы мог

подумать). “Darling, isn’t it going to be rather awkward?” (Maugham, 2008: 157). Пресуппозиция – предостережение (ситуация грозит стать неловкой). “Do you not think that we stand in danger of becoming a little inhuman?” (Maugham, 2008: 92). Пресуппозиция – побуждение (вы должны видеть, это очевидно). “I brought Margerty here and put her in bed The doctor has given her a sedative. She’s all in. Isn’t it awful?” (Maugham, 2008: 169). Пресуппозиция – сожаление (это все так ужасно). “Have you ever danced with anyone who danced better?” (Maugham, 2008: 143). Пресуппозиция – уверенность (ты никогда не танцевал с кем-либо лучшим). “Are you trying to irritate me?” (Maugham, 2008: 153). Пресуппозиция – раздражение, нетерпение, побуждение (не испытывай моего терпения).

2) вопрос – вежливое обращение – в отличие от других типов вопросов данный тип выражает лишь пресуппозицию побуждения. Побудительные предложения не выражают утверждения или отрицания чего-либо. Побудительные предложения могут иметь положительную и отрицательную форму. Эти формы не параллельны друг другу, как в общих вопросах, а противоположны по значению, как в повествовательных предложениях. Но значение отрицания в побудительных предложениях иное, и противопоставление происходит другом плане, например: “Won’t you sit down, ma’am?” (Maugham, 2008: 114) (присядьте, пожалуйста); Why don’t you come and have supper with me? (Maugham, 2008: 136) (поужинайте со мной, пожалуйста);

3) альтернативный вопрос, например: “Oh, my God’, said Janet. ‘Are you a novelist or are you not?’” (Maugham, 2008: 153). Пресуппозиция – раздражение, нетерпение (ты же писатель, зачем морочить мне голову);

4) разделительный вопрос – наравне с вопросом – вежливым обращением – этот тип вопроса также в своем роде является исключением, так как он выражает отрицательную или положительную пресуппозицию, несмотря на то, в какой из его частей стоит отрицание, например: “I supposed you had, or you wouldn’t have known my address, would you?” (Maugham, 2008: 114). Пресуппозиция – побуждение (твое присутствие здесь явно не уместно); “He is only twenty-nine now, isn’t he?” (Maugham, 2008: 165). Пресуппозиция – намек (ты уже не молодая); “It’s your night out, isn’t it?”

(Maugham, 2008: 193) Пресуппозиция – удивление (странно, что ты не воспользовались своим законным выходным);

5) специальный вопрос – он может содержать или не содержать отрицание. При этом положительные и отрицательные формы не параллельны. В большинстве случаев они не содержат отрицания. Подобные вопросы задают, когда знают о наличии позитивной связи между субъектом и предикатом, но хотят уточнить эту связь, получить дополнительную информацию о ней, например: “Why can’t you leave me alone?” (Maugham, 2008: 162). Пресуппозиция – побуждение (оставь меня в покое); “Why on earth didn’t she have an affair with Morton?” (Maugham, 2008: 176). Пресуппозиция – сожаление (лучше бы у нее был роман с Мортонем); “Why didn’t you let me know sooner?” cried Margery. I’d have brought a girl along. (Maugham, 2008: 143). Пресуппозиция – сожаление (ты должен был сказать мне раньше, я хотела бы знать об этом заранее); “How am I to leave on that?” (Maugham, 2008: 119). Пресуппозиция – возмущение (этого недостаточно, чтобы вести привычный образ жизни);

б) эллипс:

а) общего вопроса, например: “He left me at the Marylebone Road,” I answered. “He said nothing to me at all.” (Maugham, 2008: 42). Пресуппозиция – недоверие (он должен был что-либо оказать); “You’ve never shown me your room, Betty, he said.” (Maugham, 2000: 293). Пресуппозиция – удивление (я, наверное, забыла); “I think I should tell you that Mrs. Bishop is a beautiful dancer,” I said. “Is she?” He flushed a little. (Maugham, 2000: 144). Пресуппозиция – смущение (я не слишком хороший танцор);

б) разделительного вопроса, например: “Get out and keep quiet. Polite, aren’t you?” (Maugham, 2008: 42) Пресуппозиция – язвительное замечание (ты совсем не вежлив); “Nothing will induce me to live with you again, my dear”, said Albert in, however, a perfectly friendly fashion. You’re not serious?” (Maugham, 2008: 115). Пресуппозиция – удивление (ты не можешь говорить серьезно); “It’s a relief sometimes not to be surrounded by people. “But you’re not alone here?” (Maugham, 2008: 290). Пресуппозиция – уверенность (ты не чувствуешь себя здесь одинокой, это очевидно).

Структура последних эллипсов довольно интересна тем, что на первый взгляд

нам кажется, что знак вопроса здесь поставлен по ошибке. При более же детальном рассмотрении мы видим, что здесь напрашивается вторая часть разделительного вопроса – *are you*;

в) специального вопроса, например: “I could never hope to please the masses” (Maugham, 2008: 119 – 120). Пресуппозиция – побуждение (ты же никогда не пробовала); “I get out now and then on an errand, but I haven’t been out in the evening for the last month. Why on earth not?” (Maugham, 2008: 193). Пресуппозиция – удивление (странно, что ты не воспользовался своим законным выходным); “And the strange thing is that I don’t very much like her.” “Why not?” (Maugham, 2008: 192). Пресуппозиция – удивление (она же превосходная горничная).

Возвращаясь к общим ВПП и их эллипсам, мы хотели бы упомянуть об одном интересном факте. Развитие английского языка выработало предложения с особой словесной и грамматической организацией: специальный вопросительно-отрицательный тип предложений без усилительных слов, соответствующих русским частицам «разве», «неужели», аналоги которых в английском языке отсутствуют. Причем, если глагол-связка образует слитную отрицательную форму с отрицательной частицей *not*, то предикативное ударение перемещается с нее на вспомогательный глагол (или глагол-связку) слитной отрицательной формы. Если отрицательная частица *not* не сливается со вспомогательным глаголом (или глаголом-связкой), то она всегда несет в себе предикативное ударение как в том, так и в другом случае. Функция слитного и не слитного сочетания вспомогательного глагола и отрицательной частицы *not* уподобляется функции предикативно выделенного глагола-связки в позиции между подлежащим и предикативным членом именного составного сказуемого. Но в отличие от глагола-связки сочетание вспомогательного глагола с отрицательной частицей *not* не имеет лексического значения. При наличии отрицания при глаголе-сказуемом подчеркивается характер отрицательной связи выраженного сказуемым признака или действия с подлежащим.

Из всего выше сказанного можем сделать следующий вывод: одна и та же пресуппозиция может быть выражена различными типами ВПП, она не «привязана» к какой-либо определенной форме.

§5. Двойное отрицание и средства его выражения

Особый интерес представляют случаи двойного отрицания. Этим термином в лингвистике обозначаются два различных по своей природе языковых явления: 1) наличие в составе предложения отрицательной частицы или отрицательного аффикса (морфемы) и средства усиления их в виде отрицательных местоимений и наречий и 2) наличие двух отрицаний при одном и том же члене (или группе членов) предложения. В первом случае мы имеем отрицание и его усиление в отрицательной форме, во втором – отрицание отрицания. Повторение отрицания при двух членах предложения не допускается нормами монологических языков, например английского, вследствие дифференциации утвердительной и отрицательной форм глагола (ср. рус.: *Он ничего не сказал* и англ. *He said nothing*). Иногда, правда, двойное отрицание может употребляться в предложении, но как авторский прием речевой характеристики необразованных персонажей, например: “It wasn't no porpoise,” Cartwright said. “I ain't never heard a porpoise or even a whale make that kind of noise against a ship.” (Fleming: 268).

В этих языках старую форму многократного отрицания сменило однократное отрицание, о чем говорилось выше. Лишь в диалектах встречаются случаи многократного отрицания. Так, для диалектов английского языка типичным является нагромождение отрицаний во фразах, ср: “The main battery ain't shootin' it at nothin'” (Fleming: 410).

В отличие от этого двойное отрицание, как отрицание отрицания, существует в языках как полинегативного, так и монологического типа.

Отрицание отрицания – одна из разновидностей двойного отрицания. В этом случае отрицание относится к одному и тому же отрицаемому члену предложения. Под двойным отрицанием понимается взаимоуничтожение, погашение двух отрицаний, когда отрицательное по форме предложение становится утвердительным, например: “It was very untidy, but not uncomfortable.” (Maugham, 2008: 130).

Необходимые факторы употребления отрицательной формы в несобственном

значении таковы: выступление первого отрицания в виде отрицательного слова, второго – в виде лексического отрицания, точнее, предлога *without*, отрицательного качественного прилагательного, причастия II и наречия с отрицательным префиксом, союза *unless*; отнесенность двух отрицаний к одному и тому же компоненту предложения и следование лексического отрицания непосредственно за грамматическим или на расстоянии одного члена (структурный фактор). Лексическое отрицание при этом выполняет роль «переключателя» значения отрицательной формы, сталкиваясь со значением отрицательного слова и переводя действие из сферы отрицательности в сферу утвердительности.

Если обозначить общепринятыми символами те элементы структуры, которые имеют лексически и категориально ограниченную заменимость, структурные варианты модели двойного отрицания будут иметь вид:

1) отрицание + *without* + N(ger.), например: “It should be a mortification to me that I cannot read them *without* discomfort” (Maugham, 2008: 135);

2) отрицание + neg. pref. adj.(part II/ adv.), например: “Her voice was no longer unsteady” (Maugham, 2008: 117);

3) отрицание + *until/unless*, например: “Unless he was on the spot nothing was done” (Maugham, 2008: 134).

Два отрицания могут присутствовать и в составе сложного сказуемого, в частности, составного глагольного сказуемого. Это значит, что отрицательными по форме могут быть одновременно и вспомогательная, и основная, инфинитивная, части составного глагольного сказуемого. В результате такого двойного отрицания происходит снятие отрицания для выражения утверждения, например: “I don’t mind my books being dirty, but I hate not being able to find them” (Maugham, 2008: 189)

Последний пример особенно интересен. Во второй части, которая нас и интересует, происходит снятие отрицания. Несмотря на наличие отрицания *not*, семантика этой конструкции положительна, так как в ней имплицитно выражено двойное отрицание: одно из отрицаний выражено при помощи частицы *not*, а второе – при помощи имплицитной конструкции с модальным глаголом *should*. Таким образом, семантика всего предложения становится положительной.

Некоторые лингвисты отмечают, что отрицание отрицания в речи иногда неравносильно утверждению. Например: *He is not unhappy* еще не означает *He is happy*. Действительно, приведенное предложение с двойным отрицанием не эквивалентно предложению без этого двойного отрицания. Но это отнюдь не означает, что отрицание отрицания не дает утверждения: результат совмещения двух отрицаний (*is not unhappy*) является положительным, хотя не эквивалентным исходной форме (слову *happy*). Пары типа *strong – not-strong* (ср. *weak*), *young – not-young* (ср. *old*) выражают ослабленную противоположность и не образуют антонимов. Точно так же *happy* и *not-happy*, *beautiful* и *not-beautiful* и т. п. не являются антонимами, то есть они находятся в контрарном отношении друг к другу.

Как видим, отрицание отрицания по смыслу равнозначно утверждению. Тем не менее это последнее и тем самым семантика отрицания отрицания понимаются лингвистами по-разному. В своих исследованиях Бондаренко В.Н. выделяет четыре точки зрения на семантику отрицания отрицания, которая является синтезом исследования этой проблемы разными лингвистами:

- 1) отрицание отрицания разносильно утверждению (без всяких оттенков);
- 2) предложения с двойным отрицанием типа *He could hardly not to recognize him. It is impossible not to believe he is sincere* выражают подчеркнутое, категорическое утверждение;
- 3) в случае взаимоуничтожения двух отрицаний типа *not without pride, not unpleasant* и т.д. имеет место ослабленное, некатегорическое утверждение, то есть отрицание отрицания дает утверждение, но с оттенком, ослабляющим меру прямого утверждения: *This business is not unprofitable* означает «Дело выгодно, да не совсем» (Есперсен, 2006: 105);
- 4) отрицание отрицания по своему значению не тождественно простому (исходному) утверждению: оно либо усиливает утверждение, либо ослабляет его (Бондаренко, 1983: 133).

Сторонники всех четырех точек зрения так или иначе признают то, что в результате отрицания происходит снятие отрицания (то есть предложение приобретает утвердительный смысл). Это можно объяснить действием формально-

логического закона двойного отрицания, согласно которому по отношению к конечным областям двойное отрицание всегда эквивалентно утверждению.

Двойное отрицание характеризуется сдвигом не только смысловых, но и стилистических связей и относится к средствам выражения акцентно-отрицательной эмфазы. Передается смягченное, некатегоричное утверждение с известной долей сдержанности оценки. Во многих случаях присоединяются оттенки оговорки, колебания, допущения, а также юмористический или иронический эффект. Структуры связаны с мягкой, ненавязчивой или ироничной манерой языкового общения, подчас придавая высказыванию оттенок двусмысленности, и чрезвычайно распространены в разговорной речи и в функциональных стилях художественной литературы, научной прозы, газетно-публицистическом стиле.

В художественной речи такие структуры типизировались в один из самых распространенных структурных вариантов стилистического приема литоты, связанный с выражением преднамеренной сдержанности высказывания. Литота в рассмотренных структурных вариантах характерна для так называемой «интеллектуальной прозы» и предпочитается авторами философского склада. Лингвистической основой ее является «переключение» значения отрицательной формы в результате его взаимодействия со значением проводителей-«переключателей». В научном стиле, по преимуществу в области гуманитарных наук, литота, подчиняясь законам этого стиля, используется в качестве удобного языкового штампа там, где необходимо избежать излишней категоричности. Исключением для нее является официально-деловой стиль, не допускающий какой бы то ни было двусмысленности.

В роли переключателей отрицательного значения формы могут выступать и некоторые другие лексические средства отрицания: тематическая группа глаголов отрицательности, существительных сфер негативности, качественных прилагательных отрицательной оценки и т.п. Их можно было бы включить в группу структурных вариантов двойного отрицания, если бы не сложившаяся в лингвистической литературе традиция, ограничивающая двойное отрицание лишь указанными вариантами модели. Основные варианты моделей этого типа,

следующие: отрицание + Neg. V/adj./N, например: “You cannot forbid a middle – aged professor of Pathology from going for a little walk if he wants to” (Maugham, 2008: 149)

До сих пор мы приводили примеры, когда лексическое отрицание следовало за грамматическим. Но в английском языке широко используются конструкции с грамматическим отрицанием, которое следует за лексическим. Иногда подобный прием является инверсией, которая используется для усиления эмфазы на каком-либо определенном слове или словосочетании; но, как правило, чаще всего это лишь доказывает богатство и многогранность использования английским языком средств отрицания. Например: “Without them he wasn't so homely” (Maugham, 2008: 324).

Одной из разновидностей двойного отрицания является так называемое «подхватывающее отрицание» (Есперсен, 2006: 386). Оно характеризуется тем, что после *not* следует либо разделительное сочетание с *neither... nor* «ни...ни», либо ограничительное добавление с *not even* «даже не». Но при анализе нашего материала мы выяснили, что средства выражения так называемого «подхватывающего отрицания» намного шире тех, которыми ограничивается О. Есперсен. Например: “He paid no attention to his house, which was always in great disorder, nor to his fo o d . . . ” (Maugham, 2008: 210).

Одной из разновидностей двойного отрицания являются устойчивые выражения *cannot help doing something*, например: “... but on thinking it over I couldn't help confessing that it was very natural” (Maugham, 2008: 339).

Из сказанного ясно, что утверждение и его двойное отрицание в сущности равнозначны или тождественны друг другу и что закон двойного отрицания может, таким образом, рассматриваться как своеобразная модификация другого логического закона – закона тождества. Это обстоятельство открывает известные возможности в процессе стилистической обработки языкового текста: двойное отрицание используется как стилистический прием выражения мыслей с подчеркнутым оттенком. Утверждение и его двойное отрицание логически равнозначны, но в стилистическом, эмоционально-экспрессивном отношении могут отличаться друг от друга.

§6. Средства усиления отрицания

Как утверждение, так и отрицание могут быть усилены теми или иными языковыми средствами. Правда, отрицательные единицы того или иного языка не подвергаются усилению так часто, как их положительные формы (например, к отрицательному прилагательному не присоединяются аффиксы с явно усилительной функцией).

Среди лингвистов нет единого мнения относительно того, что именно подлежит усилению; само ли значение отрицания или же средства выражения отрицания. Мы полагаем, что отрицание и утверждение могут выражаться в языке с различной степенью их экспрессивности. Усиление отрицания можно понимать как языковой прием, посредством которого в той или иной степени акцентируется отрицательное значение предложения. Различие в степени языкового усиления отрицания вполне очевидно из сравнения таких, например, предложений: “It’s not a bad idea” – said Albert. “It’s not a bad idea at all.” (Maugham, 2008: 119).

Сравните: *not bad* и *not bad at all*. С логической же точки зрения отрицание в обоих предложениях одно и то же. В этом также проявляется различие между языковым и логическим отрицанием.

Средства усиления отрицания, как и средства интенсификации вообще, представляют интерес для изучения развития и становления системы отрицания в том или ином языке. Вследствие постоянного употребления эти средства усиления постепенно «изнашиваются», ослабевают, теряют прежнюю экспрессивность. Процесс интенсификации по своей природе требует формирования все новых и новых средств. В этом отношении очень показателен генезис отрицательных частиц, местоимений и наречий в наиболее исследованных европейских языках.

Сущность интенсификации отрицательного значения заключается, с нашей точки зрения, в акцентировании формы его выражения, тем самым, его значения с помощью различных средств. К типичным нормативным средствам усиления отрицательного значения относятся, прежде всего, общезыковые средства интенсификации, среди которых можно упомянуть фонетико-интонационные (и

графические), грамматические и некоторые лексические (например, повтор одного и того же отрицательного элемента). Эти средства выделяют основную информацию высказывания, тем самым интенсифицируя семы «отрицательности» (для *not*) и «обобщенности» (для *n-pronoun*).

Самую большую группу лексических средств интенсификации отрицательного значения составляют сопроводители отрицательной формы, которым уделяется в работе основное внимание как средствам акцентно-отрицательной эмфазы.

Понятие интенсификации неизбежно связано с количественным признаком, что позволяет при анализе, в зависимости от конкретной интерпретации влияния сопроводителей на значение отрицания, провести условное выделение нескольких подвидов интенсификации: усиления, ослабления, конкретизации и ограничения. В соответствии с этим все сопроводители подразделяются нами на конкретизаторы, усилители, «ослабители» и «ограничители» отрицательного значения. Особую группу составляют «переключатели», основная часть которых рассматривается в связи со средствами акцентно-утвердительно-отрицательной эмфазы (Андреева, 1974: 26).

Взаимодействие сопроводителей со значением отрицания проявляется в том, что их значения совместимы и тем самым они подтверждают значение отрицания: конкретизируют, усиливают, ослабляют или ограничивают его. Совместимость их значений определяется тем, что они находятся в условиях сочетаемости. При этом все сопроводители поддерживают семы «отрицательности» и «обобщенности», лишь частично модифицируя последнюю в пределах обобщения, тем самым интенсифицируя отрицательное значение предложения или его части. Конкретизаторы, усилители, ограничители дают вариант семы «обобщенности» в виде «ограниченного, предельно ограниченного или полного объема отрицания», ослабители – в виде «несколько расширенного объема отрицания». Указанными обстоятельствами характеризуется лингвистический механизм интенсификации (усиления, ослабления) отрицательного значения.

При *not* в качестве отрицания в сопровождении усилителей и ослабителей понятие объема отрицания при анализе его семантических признаков не работает. В этом случае применимо понятие степени полноты отрицания. При сопроводителях-

усилителях *not* к семе «отрицательности» подключается сема «полноты отрицания» (указывает на предельную степень отрицания), при проводителях-ослабителях – сема «неполноты отрицания», что в 1-м случае дает эффект усиления отрицательного значения, а во 2-м – эффект его ослабления и, вместе с тем, эффект смягчения категоричности высказывания. Последнее обстоятельство позволяет рассматривать некоторые ослабители отрицания в качестве структурных вариантов литоты (в соответствующих условиях макроконтраста), употребляемых в разговорной речи как эмфатический прием.

В плане содержания каждый из проводителей обладает индивидуальными семантическими признаками в зависимости от его типа, указывает на место, способ, время действия, количественный или качественный признак и т.п., тем самым может характеризоваться семами «локальности», «темпоральности», «количества», «качества» и т.п. Но все они либо непосредственно указывают на обобщенность, либо опосредствованно передают ее в сочетании с *n-pronoun*.

В плане выражения – это слова и словосочетания, большей частью, наречного типа или другие средства выражения обстоятельства; разнообразные средства выражения определения, сопровождающего отрицательные местоимения; а также утвердительные обобщающие местоимения. Классификация структурных разновидностей внутри каждого семантического типа проводителей отрицания проводится по грамматико-синтаксическому признаку проводителя или по структурному принципу, если это словосочетание или предложение.

Самыми яркими средствами акцентно-отрицательной эмфазы являются усилители отрицания, которые приводятся обычно в качестве типичных средств выражения «экспрессивного отрицания». При этом все средства, так или иначе интенсифицируют значение отрицания, принято называть усилителями. Между тем, как показывает языковой материал, они неоднородны как в шине содержания, так и в плане выражения.

Стереотипные усилители отрицания составляют самую многочисленную по лексическому наполнению группу. Это известные слова (и субстантивные словосочетания), обозначающие обычно предметы маленького размера или

незначительные, не имеющие цены; либо имеющие значение предельно малого количества; либо выражающие резко отрицательную оценку фактов действительности и относящиеся к тематической группе вульгаризмов – эксплетивов; либо называющие некоторые действия. Эти слова могут быть представлены в виде неконечного множества: *a straw, finger, bit, thing, penny, pin, atom, scrap, damn, hell, sniff, rush*. Отрицание действия, признака, понятия в самой малой степени его проявления выражает его усиленно. Только в случаях с менее частотными словами оправдана характеристика этих усилителей как «образных». В остальных случаях эта образность несколько стерта из-за ослабления их лексического значения, ср:

1) Модель включения этого типа усилителей в предложение: отрицание + a(the) + N, например: “I don't care a hang about your relations with Bill” (Maugham, 2008: 347).

2) Модель включения в предложение других типов усилителей: отрицание + (the)adj. -est/so + adj./part. II/n, например: “I was never so pleased to see anyone in my life” (Maugham, 2008: 340);

3) Mpm + отрицание + like /so/as + n/adj/adv + as/that, например: “Of course, she didn't look so determined as she looks now” (Maugham, 2008: 314);

4) Отрицание + adj-er/more (less) + than, например: “But Gifford Boyleston had no sooner asked the question than he saw its possibilities” (Maugham, 2008: 93);

5) Часто усиление отрицания происходит за счет употребления таких слов и словосочетаний как *absolutely, terribly, awfully, at all, never* например: “... she said she was a widow, my private opinion is that she'd never been married at all.”; (Maugham, 2008: 243).

В плане функционально-стилевой отнесенности все структуры обладают литературно-книжной тональностью, за исключением вульгаризмов, которые характеризуют сниженную разговорную речь или просторечие.

В качестве «ослабителей» отрицательного значения употребляются наречия, частицы ограничения, существительное *half*, количественные местоимения. Они могут выступать как ослабители отрицания логического характера, так и в составе литотных структур благодаря привносимому ими оттенку смягчения отрицания,

которое может быть преднамеренным, что регулируется значением микро- или макроконтраста. Действительное отрицательное действие (признак) может быть представлено фигурально как ослабленное, смягченное, не соответствующее реальной степени отрицательного признака, действия. Лингвистический механизм литоты в этом структурном варианте построен на взаимодействии значений страдательной формы и ее сопроводителей, эффект которого не выходит за пределы акцентно-отрицательной эмфазы. Данные варианты литоты используются как стилистически адекватные средства выразительности в разговорной речи, например: “Olive was not very pretty, but she looked extremely nice.”; (Maugham, 2000: 312).

«Ограничители» отрицания не просто конкретизируют (как конкретизаторы), но более четко ограничивают объем понятий (предметов), на которые оно распространяется, или полноту отрицания (для *not*): отрицаются все предметы кроме одного. Это союз *but*, предлоги *except, save, short of*, союз условия *if* в сочетании с *not* (и другими отрицательными словами), например: “We lost one rubber after another, and there was nothing to do but smile and look as if we liked it” (Maugham, 2000: 310).

§7. Имплицитное отрицание и его показатели

«Отрицание в том или ином языке может быть» выражено и неявным образом при помощи целого ряда языковых средств, без применения слов с отрицательной семантикой, то есть имплицитно, в составе отдельной положительной словоформы или же целой синтаксической конструкции. Это так называемое имплицитное отрицание. Имплицитное отрицание связано с отрицательной семантикой всего предложения в целом и подкрепляется специфической интонацией и некоторыми дополнительными лингвистическими факторами» (Калиниченко, 1996: 28).

Функционирование в языке эксплицитной и имплицитной категорий и их взаимодействие есть одна из закономерностей развития языка. Проблема имплицитности рассматривалась в работах как советских и российских, так и зарубежных лингвистов. Особый интерес у лингвистов вызывает исследование имплицитного отрицания и способы его выявления, поскольку отрицание есть одна

из важнейших языковых категорий.

Суть имплицитного отрицания состоит в несоответствии формальной организации предложения его содержанию. Имплицитное отрицание связано с негативной семантикой всего предложения и опирается на значение той языковой формы, в которой оно реализуется. Однако формальная невыраженность не имеет ввиду отсутствие языковой формы вообще. Имплицитное отрицание связано с отрицательной семантикой целого предложения и основывается на значении языковой формы, в которой оно реализуется. В основе имплицитного значения лежит единство лексических и грамматических связей элементов словообразования, которое поддерживается специфичной интонацией и дополнительными лингвистическими факторами (ремарками автора, знаками препинания и т. д).

Многие грамматические формы обладают многозначностью и полифункциональностью. Так например, вопросительно-утвердительное предложение может рассматриваться и как вопрос, и как утверждение., например: *“Why run away from it”* В письменном варианте языка большое значение для конкретизации восприятия имеют контекст и знаки препинания. В устной речи эту роль выполняет интонация, относя его к тому или иному виду высказывания. Изменение основного контура интонации, характерного для того или иного коммуникативного типа, влечет за собой изменения в его семантике. Так, употребление нисходящего тона в общем вопросе вместо восходящего вызывает изменение его смысла и часто сопровождается превращением его в суждение с имплицитным отрицанием.

Предложения с имплицитным отрицанием эмоционально окрашены. Параллельные структуры возвращения часто выполняют функцию показателей отрицания.

Интонация при повторении всего или части предыдущего предложения играет особую роль, она может выражать удивление, непонимание, например: *“She looked at him as though for the life of her she could not think what he was talking about”* (Maugham, 2008: 128).

Несмотря на отсутствие формально-грамматического отрицания в самой структуре высказывания его отрицательное значение подтверждают некоторые лексемы. Это, прежде

всего, слова с отрицательной семантикой: а) глаголы *fail, deny, doubt, tack, miss, ignore*; б) существительные *doubt, lack, failure, objection*; в) прилагательные *absent, absurd, opposite, averse, wrong*; г) наречия *hardly, scarcely, far from, rather than*; д) предлоги *against, without*. Например, в предложениях: а) “Perhaps the mere fact that he was so far below her gave her a sense of freedom in her relations with him that she would have lacked with a man of her own class” (Maugham, 2008: 304); б) “Gaze stopped once more and looked at me with a sort of hesitation.” (Maugham, 2008: 323); в) “That’s where you’re wrong” (Maugham, 2008: 349); д) “It could hardly be in a very good condition...” (Maugham, 2008: 342); е) “The luggage was passed through the Customs without examination” (Maugham, 1996: 279).

Имплицитная отрицательная единица входит в семантическую структуру словосочетания *would have lacked* и *air of neglect* и др. Такую же роль признаков отрицания играют фразеологизмы *bless me if I do, like hell, the devil you know*, когда говорящий не использует обычные способы выражения отрицания, а их заменители. Например: “– I want to phone. District Attorney’s office. There’s a dead man down there. –The hell you say.” (Hammett, 1997: 27).

Имплицитным образом может быть выражено как двойное отрицание, так и его усиление:

а) двойное отрицание, например: “She played very quickly, without hesitation, and she had not only knowledge but flair” (Maugham, 2008: 310);

б) усиление отрицания, например: “But she was not a snob and you seldom met there a duke unless he was a peculiarly serious turn and a peeress only if in addition to her rank she had the passport of some small social solecism such as having been divorced. . .” (Maugham, 2008: 103).

Предложения с имплицитным отрицанием встречаются в определенных структурных моделях, которые являются фразеологизмами. В таких случаях фразеологизмы и выполняют роль показателей имплицитного отрицания, например: “What the hell do I care?” (Maugham, 2008: 265) и др., где *why, should, hell, devil, damned* являются структурно обязательными (связующими) элементами.

В предложениях с имплицитным отрицанием нередко используются модальные

слова, модальные глаголы, которые придают различные оттенки основному модальному значению высказывания, например: "... Why didn't they just bolt? How could they?" (Maugham, 2008: 347).

Здесь лексическое значение глагола *can*, подкрепленное специфичной интонацией, придает высказыванию эмоциональный характер и субъективно-модальное значение уверенности в противоположной категоричности суждения.

Грамматическим показателем имплицитного отрицания в устной речи, особенно в риторическом вопросе, является его позиционная обусловленность, то есть использование в диалогическом единстве, ср: "I remember afterwards that when we sat down the doctor's wife asked Mrs. Bronson if she wasn't tired" (Maugham, 2008: 325).

§8. Стилистические возможности отрицания в художественном тексте

Рассматривание в отдельности всех случаев функционирования отрицания не вполне целесообразно, так как в тексте используются в совокупности все средства выражения отрицания, и, порой, достаточно сложно отделить двойное отрицание от его усиления, лексическое от грамматического и т. д.

Мы признаем важность каждой отдельной концепции лишь в той мере, что без учета хотя бы одной из них невозможно понять стилистические потенции, обозначаемые различными элементами с отрицательными значениями.

Интересно проследить в приведенном отрывке взаимодействие различных способов реализации отрицания. Автор касается в нем извечной проблемы поколения молодых, которое, по убеждению старшего поколения, гораздо хуже предыдущего.

"But when we were young..."

The present generation of any age in history has always been an unfailing source of conversation – acidly satirical, bitterly reproachful, and disgustedly superior conversation and comment for all the fortunate and extremely sage members of the adult, or Parental generation. Without a doubt the fond mothers of the good old antediluvian days held many

a despondent conclave over their camp-fires while the men were busily engaged tracking prehistoric beasts with prehistoric weapons, or shooting prehistoric dice in prehistoric comers, and the subject of this pessimistic discussion was not the unfavorable weather, or the distressing lack of humanity on the part of the grasping profiteer in shark's-teeth, or the exasperatingly inferior quality of herbage used in the manufacture of the popular and simple, but none the less necessary, garment of the day. No, these dutiful parents discussed the Youth of the Day in tones of extreme cynicism and disgust not unmixed with awe. They were righteously scandalized by the carrying-on of their blase offspring, and "When we were young" – they would chant in numbers mournful, "we never thought of doing such things. We were steady, serious, and responsible. Of course, we had our pleasure, our recreation; but we took it in a quiet way, and in a way that would make it beneficial to ourselves mentally and physically. But the youth of today! My dear! Absolutely no restraint, no responsibility, no respect for age and wisdom, no religion, ... no anything! ... but in our d a y . . ." and they would take up again the old, dolorous refrain of O tempora, o mores, and the prehistoric and prodigiously hungry gentlemen of die period would grumble because their good wives spent so much of their time in mournful reminiscence that they became quite oblivious of the necessity of preparing the present dinner. And so, it is found throughout the centuries. (Greenough: 103 – 104).

В данном отрывке автор касается извечной проблемы поколения молодых, которое, по убеждению стершего поколения, гораздо хуже предыдущего, и достигает убедительности, основывая свои жизненные наблюдения на обобщениях, подтверждаемых вековой практикой – универсальный конфликт между теми, кто созидает жизнь, и теми, кто идет им на смену. Противопоставление, выраженное эксплицитно и имплицитно, подчеркивается на морфологическом и лексическом уровнях категорией множественности и обобщенного единственного числа the Present Generation of any age in histiry, the Youth of the Day, Parental generation, offspring, dutiful parents, the fond mothers, the men, members of the adult generation, gentlemen, wives.

Тяжкий труд первобытного отца, добывающего пищу в лесах, полях и в воде, представленный аллегорическими образами, подстерегающими человека опасностями, можно легко спроектировать на современную действительность.

Лексический повтор эпитета *prehistoric*; метафорические образы смертельной опасности при добывании пищи *grasping profiteer in shark's-teeth*, враждебности человеку природы, препятствующей в получении урожая, достаточного для того, чтобы изготовить одежду – *exasperatingly inferior quality of herbage* – призваны представить жизнь отцов, определяемую тремя качествами – *popular and simple, but non the less necessary, garment of the day*. Слова с отрицательной семантикой при этом выполняют положительную роль: *unfavourable weather, distressing lack of humanity*.

Важная обязанность матерей поддерживать огонь костра – символа жизни (= дом, очаг) – неотделима от аллегорического образа родного очага, семьи. Образ женщины репрезентируется лучшими из оценочных эпитетов: *fond, good, dutiful*. Намеренно избегая упоминания о каких-либо конкретных обязанностях женщины, автор создает образ обеспокоенной матери, для которой переживания о детях, неадекватности их жизненных ценностей своим идеям, заслоняют все остальные заботы и тревоги. Здесь нетрудно заметить роль имплицитных отрицаний разного уровня: прилагательных и причастий с отрицательными аффиксами – *unfailing, distressing, unfavourable, unmixed*; лексики с отрицательной тематикой, которая иллюстрирует идею критического и даже циничного отношения старшего поколения к молодому – *avidly satirical, bitterly reproachful, disgustedly superior*, причем последнее словосочетание, выраженное в форме оксюморона, усиливает значение вечного конфликта отцов и детей, то есть тема эта не умрет до тех пор, пока не исчезнет последний человек на земле; абстрактных существительных с отрицательной семантикой – *extreme cynicism, disgust*, причастия *scandalized*, прилагательного *mournful*.

Синтаксические эмфазы, содержащие эксплицитное отрицание, такие как инверсия *without a doubt*, усилительная конструкция *none the less*, эмфатическое отрицание *we never thought*, усиленное подхватывающее отрицание с аллитерацией и внутренним выраженным многоточием обрамлением *absolutely no restraint, no responsibility, no respect for age and wisdom, no religion, ... no anything!* литота *not unmixed with awe* – усиливают глубину эмоционального и морально-психологического конфликта между поколениями. Нельзя не заметить авторскую иронию в трактовке переживаний старшего поколения. Ирония не затрагивает сущности этого конфликта отцов и детей, она отражает бессилие негодующего старшего поколения, которому

не остается ничего другого, кроме как негодовать и обсуждать этот вопрос без конца, которая представлена имплицитным отрицанием: *an unfailing source of conversation*.

В одном ряду с художественно-публицистическим стилем, примером которого является предыдущий отрывок, стоит ораторский стиль, к которому, несомненно, относится жанр проповеди. В книге J. Joyce “A Portrait of the Artist as a Young Man” мы находим неподражаемый образец проповеди фанатика, который рисует ужасающую картину ада.

Проповедь основана на приеме градации, у которой (градации) отсутствует кульминация (climax), и в которой (проповеди) прослеживается «железная» логика. Проповедь начинается с предложений, в которых вначале ад сравнивается с такими явлениями, которые вполне имеют место в реальном мире, например: *awful prison, no light*, затем нарастание происходит счет использования большого количества синонимов, которые расставлены в порядке усиления семантического значения слов, например: *hurt, afflict, torture*. В Таблице 2 мы отразили примерное количество слов с отрицательной семантикой

Таблица 2. Частотность повторов лексем с отрицательной семантикой.

Слова и их производные	Частота повторения слова	Слова и их производные	Частота повторения слова
Corpse, carcass	2	Mock, jeer, taunt, taunting, upbraid, reproach, defile, polute	3
Fetid, reek, stench, rebellion, revolt, burst	4	Crush out, min, destroy, frustrate, degrade, tempt, abet punish, pain	6
Terrible, horrible, horror, frightful, fear, awful, hideous, ugly, foul, loathsome, disgust, nauseous	10	Sin, sinful, sinner, damned, exectation, curse, fury, anger, rage	13

Beast, devil, demon, brute	15	Hell, infernal, evil	15
Hurtful, afflict, torment, torture, torment	17	Слова с отрицательными префиксами: helpless, malefactor, immortal, decomposition, impure, unspeakable, unrepentant, headless, bottomless, shoreless, boundless	21
Fire, flame, bum, burning	27	Отрицательные слова: no, nothing, not, nor, without, nay	29

Как видим, слова с отрицательными префиксами, отрицательные слова и слово *sin* являются доминантами. Не случайно в тексте проповеди содержится такое огромное количество понятий, слов, грамматических элементов, синтаксических структур, несущих отрицательный заряд. Все лексемы расположены в виде полевой структуры, ядром или центром которой являются отрицательные слова и слова *sin*, *sinful*, *sinner*. Хотя в то время, когда творил Джеймс Джойс, теория полевой структуры еще не была известна, его талант истинного писателя подсказал ему, как наилучшим образом использовать тот богатый материал, который он вкладывал в уста своего героя в форме проповеди о неотвратимом наказании грешников на суде Божиим. Все остальные элементы, несущие на себе морфологические, синтаксические, имплицитные и эксплицитные отрицательные коннотации, располагаются на периферии, окружающей текстологические доминанты слов с компонентным значением *sin*, дополняя и усиливая его.

Выпускник иезуитской католической школы и колледжа святой троицы Дублинского Университета (богословский факультет), Джеймс Джойс отрекся от религии, осознав, как калечит и уродует она человеческое сознание и душу. В проповедь наставника-иезуита он вложил все свое неприятие лицемерия и фанатизма

служителей католической церкви. Обращенный к детям монолог построен как оживленная больным воображением фанатика-проповедника картина неотвратимых наказаний за грехи, которые ожидают каждого, кто хоть на йоту отступил от праведности в мыслях, чувствах, поступках, намерениях. Неслучайно, Бог этого проповедника из символа всеобщей любви и всепрощения превращается в зловещую фигуру всеильного, немилосердного, жестокого повелителя вселенной, что противоречит основным догмам христианского учения, олицетворяющем в Боге абсолютную любовь и всепрощающего Отца.

Выводы по Главе II

Отрицательные суждения не являются суждениями ни о чем или суждениями о какой-то «отрицательной реальности»: в их основе лежит положительное значение. Отрицание, в отличие от своего противочлена – утверждения, характеризуется нулевым показателем в языке, разнообразными лексическими, грамматическими и другими средствами, проявляясь на разных языковых уровнях – лексическом, грамматическом и фонетическом. Неправомерно рассматривать отрицание только как синтаксическую категорию. Оно может выражаться и лексически (либо имплицитно – словами с отрицательной семантикой типа *deny*, *fail*, либо эксплицитно – словами с отрицательными аффиксами), и грамматически, в том числе синтаксически. Поскольку синтаксическая категория (в отличие от морфологических) характеризует не только отдельное слово, а целое предложение, то ей соответствует оппозиция утвердительных и отрицательных конструкций. В этом плане отрицание действительно можно рассматривать как синтаксическую категорию; 3) в английском языке отрицание выражается синтаксически – посредством отрицательных аффиксов, главным образом, префиксов. Также используются отрицательные местоимения и наречия, выражающие небытие объекта вообще или в той или иной его количественной (*nobody*) или качественной (*nohow*) определенности; для выражения

отрицания применяются также служебные части речи – союзы, послелоги, (предлоги) и вспомогательные глаголы (but, lest, against, except, don't, haven't); 4) формально-языковые средства выражения отрицания могут передавать в предложении собственно положительные значения, как в случае с двойным отрицанием, так и такие значения, как опасение, запрещение, протест, предостережение, совет, удивление и др.; 5) определение отрицания как компонента мысли и выражающего ее предложение лишь указывает на главное, основное в нем, позволяющее понять смысл отрицания как логико-грамматической категории, и не может претендовать на раскрытие всего содержания этой категории.

Заключение

Отрицательные по форме предложения противопоставляются утвердительным предложениям в любом языке. Многие вопросы, связанные с отрицанием, спорны или вообще не решены, о чем говорит, в частности, существование целого ряда концепций как в формальной логике, так и в лингвистике (см. Главе I).

Отрицание и утверждение стоят в ином ряду, чем такие категории мышления (и диалектики), как качество и количество, пространство и время, причина и следствие и др. Вряд ли кто-либо станет оспаривать, что отрицание есть компонент мысли и выражающего ее предложения. Не случайно оно является в равной мере объектом исследования языкознания и формальной логики.

Всякая языковая категория есть, как это принято в лингвистике, единство составляющих ее противоположностей. Отрицание тоже не исключение. Оно связано со своей противоположностью – утверждением. Это – два полярных языковых значения, два противочлена оппозиции, формирующей единую категорию – «утверждение – отрицание». Оба противочлена этой логико-грамматической категории относительно самостоятельны, и каждый из них можно исследовать в отдельности. Исследование языкового отрицания целесообразно проводить в тесной связи с анализом формально-логического отрицания.

Отрицание как логическая операция указывает на противоречие той или иной мысли действительному положению вещей, на несовместность данной мысли с другой мыслью, на запрещение признать суждение истинным. Таким образом, можно говорить о двух дополняющих друг друга аспектах рассмотрения отрицательного суждения, а именно: отрицательное суждение как форма отражения определенного реального отношения и как форма выражения знания ложности мысли.

Истинные отрицательные суждения не являются суждениями ни о чем или суждениями о какой-то «отрицательной реальности»: в их основе (как и в случае с утвердительными суждениями) лежит положительное знание. Они выступают в качестве важной составляющей процесса познания, являясь одним из средств

отражения как объективной диалектики материального мира, так и субъективной диалектики развивающегося знания.

Утвердительные и отрицательные суждения являются равноправными формами отражения действительности. Правда, по мнению некоторых лингвистов, отрицательные суждения могут быть менее информативны, чем утвердительные; по сравнению с утвердительными суждениями, они обычно имеют меньшую конкретность (специфичность) и меньшую познавательную ценность. Мы не согласны с данной мыслью и считаем, что данная мысль верна только при наличии утвердительного предложения, которое отрицается данным отрицательным предложением. В остальных случаях отрицательные предложения информативны в равной степени с положительными. Например: *You are safe = Nothing threatens you.*

В формально-логическом шине утверждение и отрицание – полярные, взаимоисключающие противоположности, то есть понимаются в абсолютном смысле. Отрицать какой-либо признак означает просто констатировать его небытие (отсутствие), не подразумевая ничего положительного. При диалектическом же рассмотрении качества суждения, понимаемого при этом как утвердительно-отрицательная определенность предмета мысли, всякое суждение в одном отношении будет утвердительным, в другом – отрицательным, то есть качество суждения выступает уже как относительное свойство. Утверждение и отрицание столь же неотделимы друг от друга, как и противоположны. Во всяком утверждении заключено отрицание, и наоборот.

Отрицание, в отличие от своего противочлена – утверждения, характеризуется нулевым показателем в языке, разнообразными лексическими, грамматическими и другими средствами, получает свое выражение во всех современных языках. Мы рассмотрели лингвистические данные о средствах выражения универсальной категории отрицания в английском языке.

Как языковая универсалия отрицание проявляется на разных языковых уровнях: лексическом, грамматическом и фонетическом, и поэтому мы согласны с В.Н. Бондаренко, который считает, что неправомерно рассматривать отрицание только как синтаксическую категорию (Бондаренко, 1983: 195). Отрицание в языке может

выражаться и лексически (либо имплицитно – словами с отрицательной семантикой типа англ. *deny, fail*, либо эксплицитно – словами с отрицательными аффиксами), и грамматически, и в том числе синтаксически. Поскольку синтаксическая категория (в отличие от морфологических) характеризует не отдельное слово, а целое предложение, то ей соответствует оппозиция утвердительных и отрицательных конструкций. В этом плане отрицание действительно можно рассматривать как синтаксическую категорию.

В английском языке отрицание выражается синтетически – посредством отрицательных аффиксов, главным образом, префиксов. Также в этом языке имеются отрицательные местоимения и наречия, выражающие небытие объекта вообще или в той или иной его количественной (например, *nobody*) или качественной (например, *nohow*) определенности; для выражения отрицания в английском языке используются также служебные части речи – союзы, предлоги (послелогои) и вспомогательные глаголы (например, *but, lest; against, except; don't, haven't*).

Существует множество способов выражения отрицания в английском языке, в том числе двойного отрицания – отрицания отрицания. Последнее логически эквивалентно утверждению и в качестве фигуры речи демонстрирует лишь усложненный, перифрастический способ передачи утвердительной мысли.

Формально-языковые средства выражения отрицания могут передавать в предложении и другие собственно положительные значения, как-то: опасение, запрещение, протест, предостережение, совет, удивление и др. В работе подробно рассмотрены случаи выражения положительной семантики в различных коммуникативных, простых и сложных типах предложений с отрицанием.

Проведенный анализ традиционной концепции «общего» и «частного» отрицания (см. Главу II) показал ее несостоятельность: противопоставление этих видов отрицания и соответствующих им обще- и частноотрицательных предложений не «работает» ни по формальному, ни по содержательному критериям. Вместо этого применен иной подход – исследование каждого частного примера отдельно.

В работе показана особенность функционирования отрицания в вопросительно-повествовательных предложениях.

Определение отрицания как компонента мысли и выражающего ее предложения лишь указывает на главное, основное в нем, позволяющее понять смысл отрицания как логико-грамматической категории, и не может (да и не должно) претендовать на раскрытие всего содержания этой категории. Данное определение отрицания представляется достаточным и правомерным.

В силу тех или иных причин, некоторые аспекты проблемы отрицания не получили полного рассмотрения, так как данная категория очень широка и многоплановая, она не может получить достаточное освещение в одной работе.

Библиографический список использованной литературы

1. Айзенштадт, Э.И. Семантика отрицания [Текст] / Э.И. Айзенштадт // ИЯШ. – 1949. – №5. – С. 15–19.
2. Александрова, О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса на материале английского языка [Текст] / О.В. Александрова. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1984. – 211 с.
3. Андреева, И.В. Грамматическая категория отрицания и ее стилистические потенции в современном английском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Андреева. – М.: Изд-во Моск. гос. пед. инс-т ин. яз. им. Мориса Тореза, 1974. – 33 с.
4. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка [Текст] / И.В. Арнольд. – М.: Изд-во «Флинта: Наука», 2002. – 384 с.
5. Большой англо-русский словарь. [Текст] В 2 т. Т. I / под. ред. И.Р. Гальперина; М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1979. – 822 с.
6. Большой англо-русский словарь. [Текст] В 2 т. Т. II т. / под. ред. И.Р. Гальперина; М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1979. – 863 с.
7. Бондаренко, В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория [Текст] / В.Н. Бондаренко. – М.: Изд-во «Наука», 1983. – 216 с.
8. Бродский, И.Н. Отрицательные высказывания [Текст] / И.И. Бродский. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 104 с.
9. Васильева, С.А. К вопросу о семантике отрицательных частиц [Текст] / С.А. Васильева // Филолог. науки. – 1959. – №3. – С. 78–85.
10. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) [Текст] / под ред. Г.А. Золотовой. – 4-е изд. – М.: Изд-во «Рус. яз.», 2001. – 720 с.
11. Волгина, Е.А. О некоторых экспрессивных структурах в английском и русском языках [Текст] / Е.А. Волгина // Сопоставительная стилистика иностранных языков: сб. статей. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского гос. пед. инс-та, 1976. – С. 61 – 75.
12. Гастилене, Н.А. Экспрессивность как одна из языковых функций [Текст] /

Н.А. Гаспилене // Вопросы романо-германской филологии: сб. науч. тр. – М.: Изд-во Моск. гос. пед. инс-та им. Мориса Тореза, 1972. – Вып. №65. – С. 160–181.

13. Гаспилене, Н.А. Экспрессивные средства выражения утверждения и отрицания в современном английском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Гаспилене. – М.: Изд-во Моск. гос. пед. инс-та им. Мориса Тореза, 1972. – 20 с.

14. Гейнце, И.В. Семантические особенности фразеологических единиц в жанре «Nursery Rhymes» [Текст] / И.В. Гейнце // Семантика языковых единиц разных уровней (на материале романо-германских языков). – М., 1990. – С. 19–20.

15. Гетманова, И.В. Логика [Текст] / И.В. Гетманова. – 6-е изд. стер. – М.: Изд-во «Новая школа», 2002. – 416 с.

16. Грамматика русского литературного языка [Текст] / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Изд-во «Наука», 1970. – 767 с.

17. Дубровская, О.Н. Влияние личного имени на коннотативно-оценочный потенциал фразеологизма (на материале английского языка) [Текст] / О.Н. Дубровская // Вопросы романо-германского языкознания: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1997. – Вып. №12. – С. 100–102.

18. Есперсен, О. Философия грамматики [Текст] / О. Есперсен; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ильиша. – М.: Изд-во «КомКнига», 2006. – 408 с.

19. Ившин, В.Д. Предикативное выделение глагола-связки в современном английском языке [Текст] / В.Д. Ившин // Вопросы английской и французской филологии: сб. науч. тр.: – Тула: Изд-во Тульского гос. пед. инс-та им. Л.Н. Толстого, 1972. – Вып. №6. – С. 52–56.

20. Истомина, Е.А. Роль отрицания в семантической структуре вопросительно-повествовательного предложения [Текст] / Проблемы лексико-стилистического анализа: сб. науч. тр.; под ред. Г.А. Гвоздевой, Г.И. Шейдмана. – М.: Изд-во УДН, 1986. – С. 43–51.

21. Калинина, Н.Ф. Современный англо-русский фразеологический словарь [Текст] / Н.Ф. Калинина, Л. Л. Тихонова. – М.: Изд-во «Русский язык», 1993. – 106 с.

22. Калиниченко, Г.И. Особенности употребления отрицания в современном

английском языке [Текст] // Единство системного и функционального анализа языковых единиц / Г.И. Калиниченко, О.В. Серкина. – Белгород: Изд-во Белгород. ун-та, 1996. – Вып. №2. – С. 28–33.

23. Кривоносов, А.Т. Отрицание в предложении и отрицание в умозаключении (опыт семантического анализа отрицаний в тексте) [Текст] / А.Т. Кривоносов // Вопросы языкознания. – 1986. – Вып. №1. – С. 35–49.

23. Кривоносов, А.Т. Языковые средства выражения логического отрицания [Текст] / А.Т. Кривоносов // Филологические науки. – 1985. – Вып. №1. – С. 18–25.

24. Леонтьева, С.Ф. Отрицательные аффиксы в английском языке [Текст] / С.Ф. Леонтьева. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1974. – 103 с.

25. Лепка, К.О. Имплицитное отрицание и его признаки [Текст] / К.О. Лепка // Языкознание: сб. тр. – Киев: Изд-во Киевского гос. ун-та, 1978. – С. 35–39.

26. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1990. – 685 с.

27. Максимов, В.Д. О категоричности как компоненте модальности [Текст] / В.Д. Максимов // Проблемы языкознания и теории английского языка: сб. тр. – М.: Изд-во Моск. гос. пед. инс-та им. В.И. Ленина. – 1976. – Вып. №2. – С. 149–165.

28. Максимов, В.Д. Построение побудительных диалогических единств в свете негоции [Текст] / В.Д. Максимов // Проблемы языкознания и теории английского языка: сб. тр. – М.: Изд-во Моск. гос. пед. инс-та им. В.И. Ленина, 1976. – Вып. №2. – С. 149–165.

29. Максимов, В.И. Словарь-справочник по грамматике русского языка [Текст] / В.И. Максимов, Р.В. Одеков. – М.: Изд-во «Гардарики», – 1999. – 368 с.

30. Озаровский, О.В. Конструктивно-семантические связи как источник экспрессивности высказываний со значением несогласия [Текст] / О.В. Озаровский // Синтаксис и стилистика. – М.: Изд-во «Наука», 1976. – 318 с.

31. Переяшкина, Л.Н., Отрицание в контексте функционально-семантического поля [Текст] / Л.Н. Переяшкина, Л.М. Митрофаненко // Вопросы романо-германской филологии (Лексикологии, грамматика и текстология): сб. науч. тр. – Пятигорск: Изд-во Пятигорского гос. пед. инс-та, 1994. – С. 110–114.

32. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А.М. Пешковский. – 5-е изд. – М.: Госуд. учеб.-пед. изд-во, 1997. – 452 с.
33. Плеухина, Э.Н. Импликативные тенденции в синтаксисе английской разговорной речи [Текст] / Э.Н. Плеухина // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: сб. науч. тр. межвуз. науч. конф. – Горький: Изд-во Горьковского гос. пед. инс-та им. М. Горького, 1984. – С. 109–115.
34. Русская грамматика [Текст] В 2 т. II т. Семантика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Изд-во «Наука», 1990. – 710 с.
35. Филмор Ч. Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Изд-во «Прогресс», 1988. – С. 58–89.

Список источников иллюстративного материала

1. Maugham, S.W. Collected Short Stories [Text] / S.W. Maugham. – L., Great Britain: English Classes, 2008. – 437 p.
2. Maugham, S.W. Cakes and Ale Or the Skeleton in the Cupboard [Text] / S.W. Maugham. – L., Great Britain: Vintage, 2000. – 308 p.
3. Henry, O. 100 Selected Stories [Text] / O. Henry. – L., Great Britain: Wordsworth Classics, 1995. – 750 p.
4. Gary, J. The Horse's Mouth, Hazell Watson and Viney [Text] / J. Gary. – L., Great Britain: Last Day, 1959. – 374 p.
5. Fleming Th. Time and Tide [Text] / Th. Fleming. – L., Great Britain: JB Press Pan Books, 1989. – 690 p.
6. New Testament and Psalms. Slavic Gospel Association [Text]. – USA: Wheaton, 1990. – 1000 p.
7. O'Brien, W. Irish Fireside Hours [Text] / W. O'Brien. – Dublin, Ireland: M.H. Gill and Son Ltd, 1991. – 290 p.
8. Greenough, Ch.N. Specimens of Prose Composition [Text] / Ch.N. Greenough.– Boston, USA: Ginn and Company, 1956. – 510 p.
9. Joyce, J. A Portrait of the Artist as a Young Man [Text] / J. Joyce. – M.: Progress, 1982. – 588 p.
10. Hammett, D. Selected Detective Prose [Text] / H. Dashiell. – M.: Rainbow, 1997. – 304 p.